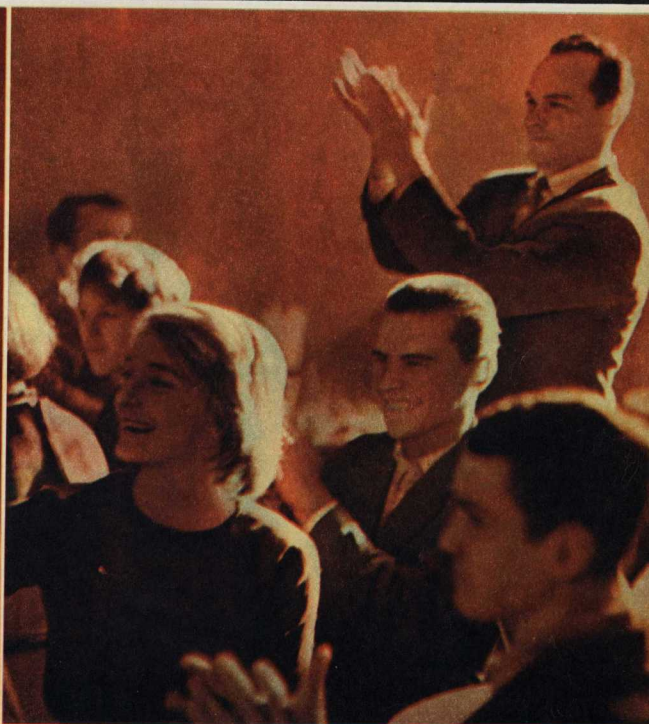

СМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 3 (905) ФЕВРАЛЬ 1965

**17 000 МОЛОДЕЖНЫХ КАФЕ
ВЕЧЕРАМИ
ЗАЖИГАЮТ ОГНИ...**

И В ГОРЬКОМ...

СЛУШАЛИ
ПЕСНИ

И В КИРОВСКЕ...

СМОТРЕЛИ
ГРАВЮРЫ

И В ПАХОМОВЕ-2...

ПИЛИ
ВИНО
И ЛИМОНАД

И В ТАРТУ...

ТАНЦЕВАЛИ

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

ПАХОМОВ-2

В Москва, не Ленинград, не Тбилиси Пахомово-2. Слышали?

Если не слышали, стесняться нечего. Пахомово-2 не столица, даже не районцентр.

Пахомово-2 — это поездом от Москвы до Лодейного Поля, затем паромом или катеришками до Вытегры, затем попутной машиной до шестого шлюза Волго-Балтийского канала, а дальше какой-нибудь километр пешком.

Пахомово-2 — это с севера лес, с запада лес, с юга лес, с востока канал.

Пахомово-2 — это несколько двухэтажных домов, несколько барков-общественных. Это человек шестистот населения, из которых почти все молодежь и почти все строители.

Пахомово-2 — это, разумеется, столовая, прачечная, баня, клуб, вроде бы все, что нужно для жизни, для сугубо временного пребывания в сугубо временном поселке строителей шлюза — постоянного, прочного, вечного шлюза...

Но молодежь решила, что не все. Потому что, сколько ни жить в Пахомове-2 — пять лет, три или год — жить надо по-человечески. И поповину клубного помещения ребята переоборудовали в молодежную кафе.

Кафе выглядит здорово. Снаружи, правда, обычный белый барак. Зато внутри — столы, накрытые голубым пластиком, легкие красивые стульчики, умело подобранные занавески. На столах — записки с вербой, и по стенам верба, а над входом две свежих сосновых ветки: у «хозяйки» кафе Светы Зайцевой хороший вкус.

А еще что? Еще квадратик эстрады. Еще на столах лежат журналы. Еще два звонких художника в общественном порядке нарисовали на стене солнышко, воду и молодую симпатичную русалку, врывающуюся в новый шлюз.

Молодежные кафе открываются по субботам. Работы надевают чистые рубашки, девушки — разговор о женских нарядах начинать не рискуют: на та квалификация. Света Зайцева едет в Вытегру и стучит по служебным столам маленьким, но твердым кулачком, «выколачивая» лимонад, хорошие конфеты, печенье, а порой даже крайне дефицитное в этих местах сушеное вино. Потом она варит кофе и какао в больших кастрюлях.

Официанта в кафе два — оба молодые инженеры, оба в серых костюмах, оба в очках, оба сдержанны, добромелательны, обходительны.

Словом, в кафе есть почти все для того, что бы весело и интересно провести субботний вечер. И все-таки я не случайно вставил в эту фразу осторожные «почти»...

Несколько месяцев назад в кафе устроили встречу строителей с гостями из Москвы. Ленинград — молодым писателями и художниками. Слышали стихи, смотрели гравюры, пили вино и лимонад, танцевали.

Все было почти здорово... опять «почти»! Не хватало все время какой-то мелочи, что-то было чуть-чуть не так.

Вот, например, молодая поэтесса читает стихи. Читает, стоя на эстраде, а в другом конце помещения ее почти не слышно. И многие сидят к эстраде боком, даме спиной (они не виноваты, четверо сидящих за столом никак не могут смотреть в одну сторону). И шумно все-таки потому, что стихи стихами, а кафе живет своей жизнью: кто-то ест, кто-то пьет, кто-то шепотом продолжает начатый разговор, а официанты, тоже шепотом, принимают заказы. Конечно, можно бы все это и не делать, но тогда почему кафе?

Выступает художник — картина примерно та же. Гравюры его висят на стене, видны лишь тем, кто сидит рядом. Пустить их по рядам! Нет, тут, собственно, и рядом нет — столы, да и обстановки не те: на левой стороне — а кафе...

Да и за столыками беседа была чересчур уж светской, что опять-таки можно понять: не гово-

В МАЛОДЕНЕЖНОМ КАФЕ!

речь же тут о серьезных вещах — все-таки кафе! В общем, атмосфера была приятной, дружелюбной и... немного скучной.

А над замечательной работой из Паломова-2, устраивая у себя молодежное кафе, следовали самым высоким образцам. И кафе их, если судить по убранству, ничем не хуже московских и ленинградских. В чем-то даже лучше: за дверью, увешанной сосновыми ветвями, совершенно нет духа торговой толчи...

Этим, к сожалению, не часто могут похвастаться «Юности», «Молодости» и «Радости» больших городов. Мало того: чем дальше, тем сложнее становится, что многие молодежные кафе столиц и областных центров из всех своих многочисленных планов с успехом выполняют лишь один — финансовый.

Нет, тут проблема не местного значения... Иными приходящими бывают вечерами в самых разных молодежных кафе, и почти всегда, пове и расплатившись, я пытаюсь понять: а почему, собственно, это кафе молодежное?

Оформлено покрывшей! Но теперь в самых традиционных ресторанах отделяют стены кирпичом и некрашеным деревом, а вместо дополнительных люстр используют элегантные фонарики. Музыка! Но она играет почти в любом кафе! Брек от времени помещения молодежных кафе снимают на один вечер заводы или институты, но точно так же снимают они и ресторанные помещения.

Правда, иногда в кафе устраивают встречи с поэтами. Но у такого рода встреч нашлись влиятельные противники — сами поэты. Они с возмущением говорят и пишут о том, что стихи не гарнир к сосискам и не закуска к вермуту и что вообще культурно развиваться надо не за трезвую голову. И, думается, они правы.

Давайте для начала разберемся: что это такое — молодежное кафе?

Сегодня получается, что все большее число таких кафе и в больших городах и в маленьких по-прежнему практичнее торгует право на свое обязательное определение — они становятся просто «кафе».

В новые, изобретательно расписанные стены контрабандой провозят старую скучку. В чем же тут дело? Почему так происходит?

Видно, все согласны, что молодежное кафе — это не столько кафе, сколько своеобразный клуб. Это — место, где можно не только попить и пообщаться, но и просто встретиться со знакомыми или незнакомыми, поговорить, поспорить, обменяться новостями и т. д...

Интересно это?

Может быть, да.

Может быть, нет.

Интересно, если есть о чем поговорить и есть с кем поговорить?

Скучно, если с соседями у тебя общего только что синий квадратик стола, бутылка вина и пельмени...

Представьте себе такую обидную картину. Вы собираетесь встречать Новый год, и, естественно, мечтаете между прочим возможными компаниями. В какой из них будет лучше, интереснее и веселее, а именно вам?

И вот вы уже знакомитесь с ребятами. Вам говорят:

— Пейте.

— Пейте, пейте приятно — вежливо киваете вы. — Где мы будем собираться?

— А вам отвечают:

— Вася.

— Может, пойдем утром на лыжах? — предлагаете вы и слышите в ответ:

— Лена.

— Вы растеряно оглаживаетесь:

— Скажите хоть, где вы учитесь или работаете...
— Лариса.

Тогда вы не выдерживаете:

— Милые мои, у вас великолепные имена, но их один-два все-таки мало для знакомства. Я хочу знать — и надеюсь, это не слишком большая нескромность, — чем вы занимаетесь, что любите, что читаете, чем интересуетесь...

И тогда наконец вам с милый улыбкой отвечают:

— Катя.

Странный разговор!

Увы, самые обидные!

Вы выходите вечером на улицу. Вы смотрите на яркую вывеску и спрашиваете:

— Слушай, кафе, можно поговорить с тобой о шахматном турнире в Амстердаме?

А в ответ вам:

— «Аэлита».

— Может быть, у тебя собираются любители живописи?

А кафе отвечает:

— «Радость».

Вы настаиваете:

— Ответ мне, но у тебя ли отличный набор долгоиграющих пластинок с записями симфонической музыки!

И опять:

— «Юность».

— Может, стать филателисту: ты увлекаешься марками!

— «Ларус».

— Может, ты любишь футбол, стихи, турки? А вам с милый улыбкой говорят:

— «Спутник», «Восход».

— Мне кажется, что довольно красивые названия новых молодежных кафе лишней раз свидетельствуют о безличности их вечерней жизни. Поэтому и скучно в ней. Поэтому, приглашая девушку в кафе, парень так говорит:

— Пошли в кафе!

А она даже не спросит, в какое, зачем. Везде ведь одинаково...

В молодежных кафе пока еще не заsegадаются «активисты». Так называемые «активисты» и «советы» молодежных кафе быстро распадаются. Кто виноваты? Сами активисты! Думают, нет.

Известно, что на одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань. Увы, в телегу совета молодежного кафе впрягают коня, трепетную лань и за коньяком лебедя, рака и щуку.

Между членами совета иногда удается установить некоторое согласие, но между программой кафе и его посетителями установить согласие практически невозможно: ведь посетителя нельзя запленивать заранее. Правда, иногда в кафе пускают лишь по приглашениям билетов. Но и в этом случае посетители объединяют не столько общие интересы, сколько общее место работы и учебы.

И не случайно «мероприятие» в кафе происходит во много раз хуже, чем в самом обыкновенном клубе: посетитель идет в кафе наобум, не зная, что сегодня предложат ему «Молоденое», что готовят «Ларус» и чем угрожает «Аэлита». В результате — новые стихи молодых поэтов вынуждены слушать очень хорошие ребята, равнодушные к новым и старым стилям. А в другом кафе спортивного комментатора Всесоюзного радио уныло слушают великолепные девочки, очень любящие балет, но, увы, не умеющие отличить футбольный матч от теннисного.

Нет, посетители ни в чем не виноваты. Ведь сегодня программа молодежного кафе — это тот же мешок. В лучшем случае. А в худшем — мешок без kota, ибо хотя какой-то программа во многих кафе бывает не чаще двух раз в неделю...
Ладно. Так, как есть, плохо. А как лучше? Что я предлагаю!

Предлагаю очень простую и доступную вещь — кафе по интересам.

Сейчас в каждом областном центре есть по крайней мере пять-шесть кафе, которые уже

стали вечерними или могут стать такими. Пусть у каждого из них будет свое определенное лицо, и не на один вечер, согласно программе, а на недели.

Пусть один из молодежных кафе будет, например, поэтическим. И пусть каждый посетитель его, кроме кофе и котлет, сможет поспорить у официанта на полчасика редкий сборник стихов. Пусть поэты выступают только в этом кафе, и пусть в этом кафе выступают только поэты. Пусть по средам любой посетитель сможет поэту тут вслух собственные стихи, а по пятницам — чужие. Пусть, наконец, члены Союза писателей — свои или приезжие — проникают в кафе без очереди. Тогда через месяц-другой оно станет местом встреч знакомых и незнакомых друг с другом любителей поэзии, и можно будет с первыми астральными здесь без особых предисловий заговорить о новых стихах Евгения Винокурова или Беллы Ахмадулиной.

Пусть над входом в другое кафе по вечерам зажигается неоновый футбольный мяч, а в зале висит все мясиленные таблицы розыгрыша первенства и кубка. Пусть тут и там же самым котлетам подается «Советский спорт», а в меню под номером один значится книга Игоря Нетто «Это — футбол». И пусть сам Игорь Нетто, оказавшись по чужой воле в городе, будет обязательно приглашен именно в это кафе. Между прочим, что-то вроде «кафе болельщиков» существует почти в каждом большом городе. Иногда это ближайший к стадиону сварник или даже живой лафок. Почему бы не дать возможность болельщикам в культурной и приятной обстановке обсудить шансы на кубок «Торпедо», «Динамо» и, разумеется, «Спартак»?

А зимой пусть вместо мяча над входом светится кожаная клюшка...

Я не рыболов, но с удовольствием провел бы вечер в кафе «Юдочка», где фирменные блондуры и где на специальном стенде демонстрируется час назад пойманная щука весом... Но тут, кажется, начинается сфера рыбачьих рассуждений.

А как необходимо в любом городе, в том числе и в Москве, кафе «Турист!» Кафе, где на стенах — схемы маршрутов и походные фотографии, куда пускают в штормовках, а в гардеробе без звука принимают рюкзаки, где сегодня с человеком знакомиться, а через неделю идешь с ним в байдарочный поход по уральской реке Иньва...

Кафе «Маркс», «Музыка», «Шахматное», «Экран», «Взрешка»...

Честное слово, знаю, что пока их нет! И, разумеется, не за то, чтобы любители поэзии все свои свободные вечера общивались друг друга стихами, чтобы рыболовы обязательно попадались на «Юдочку», а шахматисты всю свою сознательную жизнь общались только с шахматистами.

Я за то, чтобы человек, придя к работе, пообедав и передохнув, мог спокойно и не без удовольствия выбрать, куда ему пойти, чему по-

Продолжение в следующем номере.

ОМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

(905)

ОГОНЬ
1965

Год издания
сорок второй
Выходит два
раза в месяц

святи вечер, с кем встретиться, о чем поговорить, что послушать. Я за то, чтобы в день футбольного матча особый наплыв был в кафе «Футбольном», в пятницу вечером — в кафе «Турист», а после театральной премьеры — в «Театральном».

Я за то, чтобы люди знали, в каком кафе что (и кто) их ждет.

Но все это возможно в больших городах. А как быть в Пахомове-2? Как быть в райцентрах, на стройках, в заводских поселках? Вопрос этот важный и актуальный, чем кажется многим из нас. Ведь в стране не десять, не двадцать и не двести — семнадцать тысяч молодежных кафе!

Молодежные кафе в Пахомове-2 вынуждены быть универсальными. Сюда вечером приходят и любители культуры, и шахматисты, и спортсмены, и поклонники дивана, и просто ребята, чьи интересы еще не определенысь.

Каждому хочется видеть его — единственное в поселке кафе!

Прежде всего оно может стать своеобразным университетом искусства. Не надо пугаться — речь не о лекциях (там более, что хорошего лектора в Пахомове-2 започинить нелегко). Речь о другом — о зале или комнате, где можно не только выпить кофе и почитать, но и послушать хорошую музыку, посмотреть репродукции с любимых картин и с тех, что полюбятся потом, послушать настоящие стихи в настоящем исполнении...

Много ли для этого нужно?

Да нет, немного.

Нужен проигрыватель с умело подобранным набором пластинок (симфоническая музыка, легкая музыка, стихи и проза в исполнении авторов и мастеров сценического слова).

Нужен магнитофон, чтобы можно было записать и повторить любую понравившуюся радиопередачу — от новой песни до футбольного репортажа.

Нужен набор репродукций с посвятительным тавтоном (таблиц, например, как в любом зале любой картинной галереи), набор достаточно богатый, чтобы выставкам можно было менять хотя бы раз в месяц.

Нужно...

Впрочем, не будем продолжать — для начала, пожалуй, достаточно.

Теперь вопрос: кто будет всем этим заниматься? Кто подберет пластины, репродукции, составит пояснительный текст?

В стране семнадцать тысяч молодежных кафе — так уж трудно найти семнадцать тысяч энтузиастов.

Но, думается, есть другой путь, более верный. Семнадцать тысяч — цифра, протестующая против кустарности. Так что к прежним нашим «нужам» давайте добавим еще одно.

Нужны индустрии молодежных кафе.

Зачем, пожалуй, чересчур масштабно. Но ведь дело не в слове.

Нужен центр, который подбирает и по первому требованию высылает и набор пластинок и набор репродукций.

Центр, который следит за сложной жизнью нашего и зарубежного искусства и все интересное, что возможно размножить, тут же размножает в семнадцать тысяч экземпляров.

Прошла, например, в Москве новая выставка живописи или фотографии — через два месяца репродукции лучших работ висят во всех молодежных кафе. Статьи, фотовитрина — жанр, как бы специально созданный для молодежных кафе.

И еще одно необходимо: несколько хорошо продуманных типовых проектов поселкового молодежного кафе. Проектов, учитывающих, что оно не только кафе, но и клуб, и выставочный зал, и читальня, и шахматная комната, и просто коллективная гостиная, где проводит вечера. Не до предпринимать все. Пусть кафе за несколько минут без смелых и грохота становится и зрительным залом, где все смотрят на эстраду, и комнатой для общего товарищеского ужина, и танцевальной площадкой. Что касается оформления, здесь — чем больше самостоятельности, тем лучше. А вот над лучшей планировкой долгие, мне кажется, поработать архитекторы-офиссионеры.

Я не знаю, так или не совсем так, может, и совсем по-иному будут решены вопросы, связанные с развитием молодежных кафе. Но решать их надо — это бесспорно. Нельзя пускать старую скучу в новые стены молодежных кафе!

Борис СЛУЩИЙ

Подполковник

М. СВЕТЛОВУ

Аэродромы малой авиации заслуживают длительной оواции!

Луговина морская от мая или выльзает от июля.

Неуязвимый голубез — сломали.

Нужное шоссе — сверхуши.

Шест.

На нем — полосатый, радужный ветрами

и подполковника, просквоженный до

нагоде, к судьбе самых книшек.

Вот и все.

Он исполнен ирония к самому себе,

к врачам, списавшим его из большой

авиации,

и все же заслуживает длительной овации.

Он причуял коловных старух

не только не болеть полета.

но и ругаться вслух при десятиминутном опоздании пилота.

Не требуя ассигновок на шоссе, благодаря своим рейсам нечастым, все сокровища коловных все он связал с районным начальством.

Купил книсок на собственный счет, добился открытия «Союзпечати». Сколько дождь его ни сечет, в его иронии нет печали.

Гордись провозанной войной, в чашине градужных лет бесконечных, он представляется не

отставной,

а просто:

ПОДПОЛКОВНИК.

Я рос при Сталине, но пристально, не вглядывался в я него.

Он был мне малюком и притязаню.

И все. И больше ничего.

О том, что смертен он, не думал я,

не думал, что едва жива неторопливая и умная,

жестовая та голова,

что он давно под горку катится,

что он не в силах — ничего,

что черная давно он пятница,

в неделе века моего.

Не думал, а потом — подумал.

Он аял и ядрт — сообразия.

И как с пальто пушунки слудит того, что мучил и грозил.

И стало мне легко и ясно и видно — во все концы земли.

И покая я, что не магрисо все двадцать девять лет прошли.

Интуристы

Американцы,

ничего не зная,

Проходит по Москве,

как по Лузе,

Всю старину ее

и новизну ее,

Весь мед и ад

оставляя в стороне.

А западные, боинские, германцы

Посмотрят, поглядят

и все поймут.

И влюблого всезнания гримасу

В небох,

войною выбитых,

зажмут.

Они однажды

в стереотрубу

Все это посмотрели,

поглядели.

Ах, Кремль, Арбат!

Нужго! В самом деле.

И на Москву глядят, как на судьбу.

И всталенные в госпитале зубы

Напоминают им

про те стереотрубы.

КОЛОДЦА

Пластинка

Долго играет долгоиграющая,

долга, словно поездка на долгах.

Дол и гора еще.

Долго.

Музыка — как по ухабам и рытвинам

путь

без края, конца, предела.

Тонкими, режущими душу, бритвенным

голосом

женщина что-то пела.

Впрочем, неважно, что такое,

были бы звуки — острые, резкие.

Точное чувство непохож

ядрут возникает в начале поездки.

Вдруг возникает и не оставляет

в медленном, словно вращение земное,

в медленном ходе пластины. Цепляя

что-то меня, ходит со мною.

Музыка за руку провожает.

Словно колесами перерезжает.

Отъезд

Город — огромный. Полчас

заспирес от него отъезжать не мог.

Зачем-то трамвайные голоса,

университет под дождиком муш.

Тридцать пять километров пути,

и все Москва. Она сама!

Но стали тельмагетивны расти

и головы в плечи прятать дома.

И вот Москва перешла в леса.

И вот Москва перешла в дуга,

и луно-рыная леса

бежала, поглядывая на стога.

Тонкие струйки рельс текли:

им долго еще параллельно течь

сквозь Харьков и Запорожскую Сечь

и северокрымские ковыли.

ЗОЛОТОЙ ЭКВИВАЛЕНТ

Элла ЧЕРЕПАХОВА
Фото В. МИШИНА

С Двиной ветер несет
духовитую речную
сырость, и она не
ведается, как быва-
ет при валовисиль-
ном солнце, а толь-
но дразнит, щемит
обоняние. Пе-
редо мной лежит огромный,
тихий, медовый город. По-
лописки излучие «домини»
без оной и дверей, свозно-
вые, протгные солнцем,
стоят в ниточку выстроен-
ные, создавая неповторимый
узор улиц, кварталов, про-
улиц.

Пахло деревом, стренозы,
пожоние на марсан, побле-
синавали над голоной сплюд-
ным криллами. Небывано-
венный, радостный поной,
подчернутый полной ти-
шной.

Кругом, кругом, сколько

глаз мог обнять, было де-
рево. Темно-синее, как мрамор,
отполированное ход-
бой многих ног — на земле
деревянного городка; светлого,
желтого, как воск свечной,
в штабелях и «возах». Как
любимые стихи:

Уничтожает пламень
Сухую жизнь мою.

И ныне я не имейте.

А дерево тою.

Оно легко и грубо:

На одного куска

И сердцевина дуба

И весла рыбака.

Всывайте крепкие сваи.

Стучите, молотки.

О деревянном рае.

Где вещи так легки.

Голнич, урениные возле
желтых, искусно сложенных

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

РАССКАЗ

дважды, а в начале сентября, к вечеру мне позвонил Глеб и сказал, поминаешь?

— Возник Моисеев.

В то время я имел привычку задерживаться на работе, однако сразу после звонка убрал бумаги в нижний ящик стола, поспешно выходя на прогулку и наблюдая в поисках папирсов, и пошел к Глебу.

Когда я вошел, Иван спал в кресле, свалив голову на плечо, mildly поащивал длинным, сплюснутым, как у кряквы, носом, а Глеб лежал животом поперек широкой тахты, курил сигарету и читал журнал «Вопросы теоретической химии».

— Откуда на этот раз? — спросил в нетерпении.

— Глеб перекатился на спину и поставил пепельницу на грудь.

— Понятия не имею. Я пришел — он уже был дома... И знаешь, что самое удивительное?

— Ну как!

— То, что меня совершенно не интересует, откуда он прибыл на этот раз? — Глеб дал мне возможность оценить поворот мысли и спросил: — А?

— Солдандер, — подумав, ответил я.

Но не так был Глеб, чтобы этим удовлетвориться. По своему обыкновению, он счел необходимым объяснить свою мысль более подробно. И объяснил:

— Поскольку набор географических названий в его трудовой книжке уже достаточно полон... Следить?

Я кивнул.

— ...последнюю новое название, то или иное, не представлял уже никак-нибудь интереса. Улавливаешь?

Я кивнул.

— Если он в этот раз не прибыл со станции Северный полюс-12, — с удовлетворением закончил Глеб. — А на это похоже, потому что там несколько иначе экипировку своих сотрудников.

Я сказал:

— Но даже в я этом случае ничего принципиально нового привнесено не будет, ибо он не из тех, кто наблюдает землю, будь то на Севере или на Юге.

— А из тех, кто наблюдает себя.

— А любовь не себя, а...

— А да? — с любовью повторил Глеб. — А?

— И бы? — сказал я.

— Б? Что б?

— Сидели на трубе. Улавливаешь?

— Понятно, — сказал он и засмеялся.

Иван пошевелился, зевнул и открыл глаза. Какое-то мгновение вникал, где он и что он, потом раздвинул в застенчивой улыбке толстые, слегка выщербленные губы, заторопил удлинёнными двучливыми ресницами и полез на татуировку без чьих рук.

— Соскучился я по вас, братцы, сидел там, в этом... — начал он, но Глеб быстро его перебил:

— Стой! Ни слова, о друг мой! Географическими названиями мы уже сыты. Теперь поминаем — мы сами попытаемся понять, где ты был и вывел ли ты на этот раз что-нибудь, кроме штампа в трудовой книжке. Договорились?

Весной пятнадцатого года Моисеев являл в деканате академической отпуску и уехал в Гурьев на рыбные промыслы. Мы не удивились его решению, всем нам жилось не ахти как, и время от времени приходилось приснижать либо временную халтуру, без отрыва от лекций и коллоквиумов, либо же брать отпуски для более дальних и длительных экспедиций.

С промыслов Иван вернулся через семь месяцев, мы теперь заканчивали последний курс, ни о чем не тревожились. Но, как позже выяснилось, кроме денег, он привез из Гурьева и нечто иное, по-видимому, не столь необходимое ему в жизни. Но до поры до времени это выражалось лишь в том, что Иван стал молчаливее и как бы затаяннее: словно параллель нашей обычной студенческой жизни шла в нем уже другая кака-то жизнь, неизвестная студентам.

Оставался год. От нас ожидали, что мы станем хорошими, думающими инженерами, и мы сами от себя ожидали того же. Я говорю сейчас о себе, о Глебе и Зое, потому что совершенно не представляю уже, что думал о себе Моисеев. Во всяком случае, от него ожидали не меньше, чем от нас, и, право, были к тому основания.

Но он не стал инженером: за четыре месяца до защиты диплома, ранней весной, когда просели субтропики в институтском дворе, поплыли по Моисееву-реке рыльце лыдины и с юга потянуло теплым сырм ветром, Моисеев исчез. Вот тогда мы с Глебом в первый раз начали соображать, в чем же тут дело. Вот тогда я впервые высказал предположение, что либо в Гурьеве Иване треснуло по башке пустой бочкой, либо же еще в детстве нырнула его на пол, а Глеб задумчиво покачал головой и сказал, что, по его мнению, все не так просто.

С тех пор прошло четыре с лишним года. Из молодых специалистов мы превратились просто в специалистов, в молодых инженеров, обжившись на новом месте, обзавелись мебелью, а Глеб и Зоя — обручальными

кольцами и чудесной толстой девчонкой, которую при моем участии нарекли Аной. За это время Моисеев «возник» у нас раз пять или шесть, голодный и ободранный, но если поначалу мы с Глебом и склонны были поучить его жизни, то скоро произошло: Иван не производил впечатления несчастливца или неудачника. Напротив, я встречал человека более спокойного, счастливого и даже умиротворенного, чем Моисеев.

И это было самым странным, это-то и сбивало нас с толку и мешало серьезности и сочувствия глубокомысленные рассуждения, в которые пукались мы с Глебом, когда по вечерам не находилось более подходящего занятия.

Зоя, жена Глеба, не одобряла наших социальных и психологических изысков. Она сказала по этому поводу:

— Он хочет синицу в руки и журавля в небо. Спросите при случае: а не хочет ли он журавля в масле!

И это было все, что она сказала.

Но в общении, несмотря ни на что, все мы по-прежнему любили Моисеева, были всегда рады ему. Искать этого чувствовал, по-видимому, тоже и «демартиризовывался» уже вовсе не потому, что тяготился положением нахлебника в доме своих друзей.

Месяца полтора все шло, как обычно: Моисеев словно бы отмокал и грелся среди наших беззловонных шток. Когда все уходило на работу, бродил по пустой квартире, усаживался в кресло читать или просто на сосны и озеро, по которому осенний ветер гонял мялкую злобу рыб.

Но как-то в середине дня в КБ появился Глеб, молча свел меня и Зою к заводской лаборатории и толкнул дверь в конце какого-то коридорчика.

— Позвольте представить: сестра-наладчик контрольно-измерительных приборов, — поминаваясь, сказал он. — Фамилия его Моисеев. Она вам ни о чем не напоминает?

— Вот видите, мальчики, все устраивается, — заметила Зоя, когда мы вышли.

Еще некоторое время Иван жил у Глеба. Потом, узнав, что он обладает частную комнату, мы судили его некоторой суммой денег на обустройство хозяйства и поделились мебелью.

Похуже, Зоя была права: все устроившись, Моисеев приобрел палатку и меховые ботинки, еще через месяц завезал костюм из лучшего шерстяного портного и устроил наем в ресторане торжественный ужин — не помню уж, какой он для этого выbral место. Это было где-то в середине октября. Вот тогда мы и поняли, что из последнего своего путешествия Иван привез-таки нечто более существенное, чем еще одно географическое название. Вот тогда-то, за ужином, Глеб и спросил, не выдержит:

— Ну, так где же ты был последний раз? Должен!

— Да! — подержала межодушкой Зоя. — Где ты шельт ту самую чашу, из которой наконец-то написали водостай!

Мы посмотрели на нем с удивлением.

— Чашу? — переспросил Иван. — Какую чашу?.. А-а, понимаю... Там, в Вологодской области. — И ткнул вилок за плечо, в сторону, где, по его мнению, находилась Вологодская область.

— Заканчивал, как всегда, по тридцатке в месяц! — усмехнувшись, поинтересовался Глеб.

— По полсотни...

И Моисеев погруснел вдруг, заскучал, притих, и словно бы не по плечу ему уже стал пиджак, широкаясь в ворота рубашки, и галстуки под стол... Но, по-хуже, и ботинки стали вдруг ему тесноваты.

Может быть, заметил это не только я. Может быть, и Зоя, и Глеб, и эта девушка, Светлана, тоже заметили, но не обратили внимания. А возможно, обратили, но не поделили видя. Я, разумеется, тоже сделал вид, что ничего не заметил, но запомнил, и потому не очень удивился, когда однажды, месяца полтора-два спустя, где-то ближе к Новому году, поднял трубку и услышал спокойный голос Глеба:

— Юра! Ты не знаешь еще?

— Даговдываешь, — сказала я.

— Тогда загляни ко мне после работы. Он оставил для тебя деньги — долг.

— Вот что значит честность! А как там насчет записки?

— Чего нет? — того нет, — сказал Глеб задумчиво и повторил: — Чего нет? — того нет...

Моя теория о влиянии и неусторочной нынче там и была хороша, что можно было крепить ее и так и эдак. То, что Иван «демартиризовывался» и на этот раз, не поколебало ее, но упрочило всякие теории Глеба, о разных там приличных интеллигентных мальчишек-инигогих из приличных интеллигентных семей, не выдерживавших столкновения с прозой жизни. Но, как ни странно, Глеб упустил один из других самых удобных случаев напомнить мне об этом. Слово бы позыбу о своих теориях. Слово бы иникаш замечательных теорий у него судьбу не было.

И тут на авансцену вышла Светлана. Та самая девушка, что была с Ивановом Моисеевым на торжественном ужине в ресторане. О ее существовании в природе мы давно знали. Когда Зоя говорила о синице в ру-

Рисунок О. ВУКОВОЙ

ках и журавле в небе, именно Светлану она имела в виду — не знаю, правда, в каком из этих двух значении. Но предвзвешена нашей компании Светлана была именно на том узнике. И принята нами. С этим затруднений не возникло. Во-первых, она была девушкой нашего друга, во-вторых, попросту славной девушкой сама по себе. Работала она в отделе главного механика чертежницей, жила с родителями. Нравы была очень спокойной, тихого, даже слишком робкого, и за несколько вечеров с нами у Глеба так и не смела преодолеть некоторого смущения.

Наверное, преодолела бы, подержись Моисеев еще хоть пару месяцев. Но он-то не подержался.

Так вот, значит, эта Светлана, эта тихоня и мамкина дочка, приходит к нам однажды вечером, чуть бледная, немного уставшая от чего-то, — от работы, возможно, — приходит, расстегивает пальто, садится на краешек стула и говорит тихо:

— Ребята, я выхожу замуж.

Глебу это заявление страшно понравилось, он похлопал ее по плечу и сказал с веселой доброжелательностью:

— Очень давно, Светочка, мы хотели это услышать. Очень давно!

— Так, — сказал Глеб. — Так... Это, конечно, несколько меняет дело...

Совсем чуть-чуть...

Виноградова все мы хорошо знали. Он окончил тот же институт, что и мы, только тремя годами позже, работал на комбинате, часто бывал у нас. Последние времена перестал, правда, так как выставлена наша сбирщина.

При всем моем уважении к Аркадию Виноградову сообщение Светланы не настроило меня на благодушный лад.

— Так что же, Света, тебе нужно наше благословение, или ты просто завла по пути пригласить нас на свадьбу?

— Я буду рада, если вы придете, — проговорила она тихо и твердо, ничуть не смутившись разностью моего тона, и все сидела, напряженная, бесконечно уставшая, все теребила в руках шарфик, словно ждала чего-то еще.

Но не дождалась и сама сказала:

— Вы, наверно, думаете, что он будет несчастным? Нет, ребята! Он будет еще счастливее. Не беспокойтесь об этом. — Она взглянула на Глеба из-под прики волос, свалившегося на лоб, и добавила: — Вы просто не думали в этом направлении. А вы подумайте...

Глеб поднял брови.

— А ничего! В большом порядке, — пробормотал он. Чувство юмора и здесь не оставило его. — Молодец-то какая, а!

Но искренности в его голосе было больше, чем иронии.

Тут Зоя взглянула нас на кухню, и мы ушли в смущении, а она осталась со Светланой, утешая ее, вытирая ей беззвучные, тихие слезы, говорила негромко что-то из того, что и положено, видно, говорить в таких случаях жизни.

Потом Зоя вошла на кухню, где мы усердно дымили сигаретам, закрывая за собой дверь, прислонилась к ней спиной, словно бы отрезав нам путь к отступлению, и спокойно сказала:

— А теперь, мальчики, послушайте меня. Свадьба состоится через месяц. И если кто-нибудь из вас, уминок, не пожелает на ней присутствовать, если кто-нибудь из вас вздумает пренебречь этим приглашением...

Вы поняли!

— Ясно, мать, — смущенно сказал Глеб.

— Никаких совещаний. Никаких диспетчерских. Никаких летучек!

— Ясно, — сказал Глеб.

— И если кто-нибудь из вас позволит себе там, на свадьбе, скривиться или что-нибудь в этом роде...

— Ну, тебе же сказано — ясно! — Глеб лишь себе разрешил разжевывать свою мысль до последнего зыришка. От других он этого не терпел.

Зоя села на табуретку возле стены и негромко сказала:

— Наверно, ей еще придется в жизни поплавать. Может быть, из-за Виноградова. Может, еще из-за кого-нибудь. Но, во всяком случае, не из-за Ивана. То, что вы видели, — последний раз...

В этот вечер именно она в первый и единственный раз произнесла вслух имя Моисеева.

Свадьба состоялась через месяц, и мы присутствовали на ней в полном составе. Не скажу, что мысль об Иване не приходила мне в голову. Приходила. И приходила то, что и должна была придти. Но я ни разу не позволил себе ничего такого, что Зоя могла бы назвать «скривиться», и не только потому, что берегся королевского ее гнева.

Светлана, в белом платье, с широкой бисерной лентой в высочие, соломенного цвета волосах, была хороша, как первая юношеская любовь. Хорош был и Аркадий. И мне подумалось: если Светлана и будет ладить из-за него с своей женой, то очень-очень нечестно, — и я помелал им всеческого благополучия. Вначале — про себя.

Веселье было в разгаре: в углу танцевали, за столом разбавили на группы по территориальному признаку, начали уже спорить, забыв про молодых, — и тогда Зоя наполнила наши рюмки, мы втроем подошли к Светлане и Аркадию и выпили за совет да любовь. Это было как символ круговой поруки, твердо означенный смуглой маленькой рукой жены моего друга.

И вот, когда Светлана, отведя рюмку, чтобы невзначай не плеснуть на платье, потянулась к моей шеке и коснулась ее губами, я подумал об Иване Моисееве, о втором моем друге, об этом разнородном сукином сыне, о нем подумал я и почувствовал, как перемещается во мне раздражение и тревога.

Но лицом, конечно, не выдал.

И Глеб тоже.

И Зоя...

Время шло. Декабрь был крут и бесснежен, в январе замело, в феврале сугробы засверкали под коротким нашим солнцем. А там потянуло талым, и потемнело озеро под окном у Глеба. Подросла Анка, моя толстопузая крестница, обогатилась новым словом «бабака», затжелела Светлана и краснева под вымательными взглядами. Мы занимались всяк своим делом, а сойдясь, все чаще говорили об отпуске.

Об Иване молчали.

Иногда, роясь в чулане, я наткнулся на его лыжную шапочку, на его костюм, палято или стопку книг — это было все, что осталось от его погребенной броне в гавани спокойной и размеренной жизни, — и тогда я вместе с сонливостью и тоскою.

Что говорить, я понимал его отчасти: я тоже был интеллигентным мальчиком из интеллигентной семьи.

Что говорить, мне приятно было видеть лад и любовь в семье Виноградовых, но я предпочел бы увидеть то и другое в семье Мосеевичей. Нельзя сказать, что все эти мысли приносили мне в веселое расположение духа, и тогда я думаю, Иван о присущей слабости.

Что он выдвигал глаза полностью — из тех, когда вспоминаешь адруг и остро, всей кожей чувствуешь, что существуют на свете и воровство, и убийство, и война, и подлость, и ложь, и встечая еще сволочь, и не думаешь при этом угрюмо: «Ладно, это мы еще посмотрим, моги, что кто-то да придумает мне в голову, что не сосуществовать, а заводить нужно Мосеевичу; как бы там ни было, а он спокоен, и мир в душе его, а в конце концов что может быть выше этого, как бы дорого ни приходилось платить?»

Я думал: да и разве так уж много он платит?

Я думал: ладно, хорошо, черт с ним, но ведь мы-то, мы платим четверть или втрое в разе нет! — мы платим на меньшей мере, а самой, может быть, полной, и все-таки далеко до спокойствия, а мира, и чистоты. Но, даже зная все: и долг, и честь, и обязанность, — все-таки думаю, что иногда о том, как славно бы купить по дешевке отпущение всех грехов, отпущение всех дум и сомнений уже сейчас, тут вот, точно, а так плывать, так плыть не хочется.

И так вот закурит, скрутит, и все noch просидит над электротранкой, на синем палате — колодно, пусто, глухо, шумно, метель и ночь за окном, на сотни километров окрест: с сопки на сопку перекликаются снежные белые флаги, — и все думаешь, думаешь и заводишь ему струну, уинику, и злишься от зависти...

И вот приходит день, и видишь Зою, и Глеба, и doch их Анну, видишь работу, и книги, и дома над озером, и город наш белый, и короткое наше солнце над нашими островершиными сопками, встречаешь Светлану на автобусной остановке и видишь ее смущенную улыбку — и тогда снова возвращаешься сосуществовать к этому моему другу, к этому синику сына, к этому хитрозадому уинику, который сподобился при жизни зашедево купить умиротворенности и думает от всех обману.

И может быть, обманул.

Или не обманул...

Не каждый раз были холодные одинокие ночи, а дни-то — по семь в неделю. Я принимался, не поря ли возинику Мосеевичу в очередной раз, и мне казалось будет наша встреча. И замер, услышав како-то в телефонной трубке сплюснкой голос Глеба и позабытую формулу:

— Юра? Ты скоро кончишь...

— Возник Мосеевич? — спросил я.

— Нет, приважа его мать...

Уже тогда мне не нравился Иван, Аня была, по обыкновению, в шестидесяти, но в мое время кресла сидела мать Ивана: маленькая, худенькая, совсем на него непохожая, только нижняя часть лица отдаленно напоминала своего разведенного побдордох Мосеева. Волосы у нее были с прощью, морщины у гала, морщины в углах рта, морщинистые руки на коленях — ижизнь, видно, ее не баловала.

— Позаваня Глеба? — Это Юра Григорьев... Мария Александрона заехала по пути, поговорит об Иване.

Мария Александрона вздохнула.

— А вы его случайно на пол не роняли? — спросил Глеб. — В детстве? Головой он не ступался!

— Да я и то думаю... Так нет же! и способный, и науку ему легко давалось, и руки хорошие. Вот характером только... Она подняла маленькое лицо и улыбнулась, словно бы извиняясь. — Отец тоже был а-а!.. Но чтобы так — нет. Себе он знал меру...

Она говорила ऐसे: рассказывала о Галке, сестре Ивана, которая проша-таки конурус и училась теперь на третьем курсе педагогического, о Глебе, побывавшем в войну в четырех километрах от Берлина, Глеб был задумчив и смур, лицо его словно бы истончилось, словно бы потеряло пулхость, которую он приобрел в последние годы спокойной жизни, и стало теперь почти таким, какое помнил я со студенческих лет: жестко-правильным, жестко-красивым какой-то сдержанной, очень мужской красотой.

Потом Зою позвала нас уинику. Посреди еды Глеб вдруг оставил тарелку, подошел к концу и небрежно сказал:

— Мы пойдем, мать, перекурить в прихожей.

— А мой-то бросил, — сказала Мария Александрона. — Только лучше бы курили...

— Ну, в чем дело? — спросил я, когда мы вышли.

— У тебя есть деньги?

Я полез в бумажник. Глеб задумчиво покачал головой.

— Нет, не то. Всего у тебя сколаוף?

Сберкасса была за углом, рядом. Мы успели вернуться, прежде чем нас заглядили.

После нас перешли в комнату и долго разговаривали с Марией Александровой. К Глебу возвратились прежние, обычные для него подробности: он, добродушно-снисходительно шурил, говорил простые, незначительные фразы, так словно бы в каждом слове была заключена бездна юмора и бездна мысли, — это была привычная для него манера разговора.

— А я идал, что же последует дальше.

Когда подошло время прощаться — Мария Александрона законопострела билет на поезд 21.30, — Глеб сказал, словно бы только что

— Да-а, истал! Хорошо, что вы заехали. Тут как раз бухгалтерия оплатла распределение Ивана. Доверенность он нам оставил, а прислать адрес забыл... Мы случайно не знаете?

Мария Александрона положила на стол пустой конверт с обратным адресом и все смотрела на лачку денег, которую придинук к ней Глеб. Лачка была порядочная, но я понял, что на этот раз Зоя не придется выставлять банк на кухню и подписывать слова утешения, потому что как бы ни была мать расстроена деньгами сына, дело все же совсем не в деньгах. Вернее, не только в деньгах.

Глеб между тем отошел к окну, написал какую-то бумагу, и когда Мария Александрона была уже в стареньком палате с побитыми обшлагами, а Зоя наделава в прихожей ботинки, сказал как бы между прочим, лениво:

— Вот что еще, Мария Александрона, расшнитесь, понауйнста. Да бухгалтерия. Формальность, конечно, но вы же знаете этих бюрократов, — они ведае одинаковые!

Проводя Марию Александрону, мы возвратились к Глебу. Он взял со стола бумагу, подписанную ею, и протянул мне. Я прочитал и передернул. Она прочтала и положила на стол. Потом мы с Зоей семи ридущим по тату и стали смотреть на Глеба, который с самым довольным и глубокомысленным видом стоял у окна и шурился на тонкий серебряный дымок.

— Ну, милый, — не выдержал наконец я. — Не ожидай. Мог ждать от кого угодно, но только не от тебя. И потому испытываю глубочайшее удивление. Серьезно. Хотя, если был совершенно откровенным, дороговато. Несколько дороговато.

— Но при нашем умении жить это, может быть, не такие уж большие деньги! — спросила Зоя, с улыбкой поворачиваясь ко мне. — А Юра? Да еще премия, полярный коэффициент... А?

Давя при полярном коэффициенте и полярных надбавках к нашим окладам, я не мог сказать, что не согласен с ее мнением, но говоря уже о нашем умении жить, это были деньги немалые, но во всяком случае, действительно не такие, чтобы разрушить мир в семье и нашу дружбу. А таких, наверное, и не было. А если и были, то я прямо-таки затруднился бы назвать цифру. Впрочем, наверное, все-таки нет, потому что чем больше цифра, тем она нарочитее, и в конце концов, если бы столько денег повернулось лад и любовь, а как раз маленькими. И даже не деньгами, а их отсутствием.

— И знаете, что самое удивительное! — сказал наконец Глеб, но, нисходя к нашим несмехам. — Самое удивительное в том, что это удовольствие не стоило нам ни копейки.

— Т. е. инакше, откуда эти деньги? — поинтересовался я. — Так могу дать тебе беспланный совет, как употребить ее с наибольшей пользой.

— Точно такой же совет он может получить и у меня, — сказала Зоя. — И тоже бесплатно.

— Юра, у тебя есть отгулы? — невозмутимо спросил Глеб.

— Сначала он между прочим интересуется состоянием моих финансов. Потом он интересуется моим свободным временем. Зоя, ты его уйм... У меня есть пять отгулов, Глеб, но если ты думаешь, что я пожертвую хоть одним, — ошибаешься. Мне он самому нужен. Я намерен вплотную заняться личной жизнью.

— Т. е. инакше, откуда эта бумага? — спросила Зоя. — Проброрюнал Глеба, вспоминаю... Еще вторник... Хватит! — заключил он. — Мать, собирай вещишки. Завтра мы едем...

— Ты перигриваешь, — сказала Зоя.

— Завтра вечером мы едем, — не слушая ее, повторил Глеб и прочитал конверт составленного Марией Александровой: «На 340-й километр Северо-Восточной железной дороги».

Самое удивительное было, конечно, в том, что мы действительно поехали. Правда, не завтра а вечером, а через три дня, но... Такое был Глеб.

И вот мы едем в мягком вагоне, Глеб благодушно рассказывает что-то из своего детства, а я думаю, что коль скоро мы решили навестить Мосеева, так уж и сделать это нужно было бы по-мосеевски: надеять что поплосе и ехать на третьей полке общего вагона. Уж коль скоро мы решили явиться к человеку и попытаться навязать ему свои взгляды на жизнь, думаю я, справедливо было бы прежде основательнее поинять его взгляды, хотя бы приблизительно поначувствовать, что может быть у него в кармане и какими вози поплосе, отдавая человеку, дающему третья полка общего вагона, среди гала, ругани и в дыму.

Но Глеб сказал:

— А меня совершенно не интересуют его внутренние ощущения. Меня больше интересуют мои ощущения. А мне нравится здесь... — И вот мы уехали в вагон «340» и встретили, что, заведя в ржако-красные теплушки на запасных путях плещущие флагами ПИСтранных простыней, и на каждой теплушке надписи: «Собственность ВИСР». В начале и в конце состава — решетчатые остовы пугеулкадионов. Люди возле них не видны. Люди — вперед, вдоль подновившей насыпи, идущей в огиб холма и теряющейся в морозной дымке среди редких сосен. Один коньярико, подпалаты и чинарами вози поплосе, отдавая человеку, дающему с диванов с платформы щебенку, третья, подальше, таскают криками рельсы и укладывают их на шпалы.

Уначала работ несколько человек в ватниках, сапогах и облезлых ушаниках. Один из них одет чисто. Он довольно молод. Глеб безошибочно определяет название.

— Аинева, — называет Глеб свою фамилию и сует ему руку.

Я тоже называю свое фамилию.

— Архипов, — говорит он с некоторой неуверенностью в голосе.

И вот мы идем уже вдоль работ и вагончиков трес. Глеб задает вопросы, Архипов объясняет подробно и основательно. Весел он какой-то востраивающий, ищущий, словно бы не выслышал мне забыл уинику, кем его красны, на толстых губах белый налет простуды. Он горничает, объясняя нам свои беды и неурядицы, точно мы железнодорожное начальство или корреспонденты. Мне даже становится немного жалко этого востраивающего доверчивого друга, который из чувства врожденной деликатности не решает спросить: а сам я же, собственно, будешь?

— Аинева, — называет Глеб свою фамилию и сует ему руку. — Аинева, — называет Глеб свою фамилию и сует ему руку.

Я тоже называю свое фамилию.

— Архипов, — говорит он с некоторой неуверенностью в голосе.

И вот мы идем уже вдоль работ и вагончиков трес. Глеб задает вопросы, Архипов объясняет подробно и основательно. Весел он какой-то востраивающий, ищущий, словно бы не выслышал мне забыл уинику, кем его красны, на толстых губах белый налет простуды. Он горничает, объясняя нам свои беды и неурядицы, точно мы железнодорожное начальство или корреспонденты. Мне даже становится немного жалко этого востраивающего доверчивого друга, который из чувства врожденной деликатности не решает спросить: а сам я же, собственно, будешь?

— Аинева, — называет Глеб свою фамилию и сует ему руку. — Аинева, — называет Глеб свою фамилию и сует ему руку.

Он, конечно, так инициально понабавлял, что потом полдня переделывали все капеллой. Ладно, думаю, пест с ним, пусть уж буду отрицательным, но науку его жить, а если не жить, так хоть работать по-человечески, если зыздас.

— А кто хорошо живет, оглянись! — сказал мне Писатель. — Возьми наш поезд — кто? Шестидеять человек — кадровые называются: желтая сводло... Да и вагонные возьми — кто?

— Ну, я, например.

— Да! — сказал я и почувствовал в своем голосе интонацию Глеба, как раз те самые, что так часто меня раздражали. — Позвело? Я пять лет жевал сухую корку, чтобы мне так повезло. А ты не захотел? Или здесь не хватало? Или здесь?

Он не делал и не ответил.

Наконец наступила в разговоре та пауза, что приходит, когда все или почти все уже сказано, и все насытились друг другом, и нависает угроза тгостного молчания.

И тогда Глеб повернулся к Моисееву.

— Я представляю себе разговор с Иваном. А если бы тычоним, не представлял вообще. В конце концов он не хуже нас с Глебом знал, как трудно матери жить на пенсию и помогать сестре. Даже если и это не поколебало его и не заставило задуматься над своей жизнью, а может быть, как раз заставило и привело к такому вот, вполне определенному решению кончить и их в ведомость тех, кто оплачивает его универсаторность, — то каким образом могли здесь что-нибудь изменить наши слова?

Положение усугубилось и тем, что Иван знал, по-видимому, о замужестве Светланы. Она сообщила ему, если у него, конечно, был его адрес. Она сказала, она такая, что не сообщает не могла, и сделала это, наверное, прежде, чем пришла к нам, и даже прежде, чем сказала Аркаше Виноградову: «Да, конечно, да!» Или как там она сказала. А может быть, она сказала ему не «конечно, да», а «пожалуй, да».

Во всяком случае, единственное, в чем я не сомневался, так это в том, что Глеб оставался перенести разговор в какое-нибудь укромное место, где были бы только мы двое.

Но сам Глеб был об этом другого мнения.

— А мы за тобой приехали, — сказал он, помянувшись. — Квартирная хозяйка тоже тоскует: а где же мой Ваня, где мой Ванюша, где же мой постылый.

Иван смачнул со лба грязные сосульки волос и застенчиво улыбнулся.

— Так что, давай лишь заявление.

Иван перестал улыбаться и удивленно глянул на Глеба.

— Давай-давай, — весело потрогил Глеб. — Есть у тебя бумага? Скажу тебе: бумага: мы уже билеты взяли.

— Не отступай. Мне тут еще до декабря аквильвать, — сказал Иван с облегчением. — Завербовался. На год, — пояснил он.

— Вроде бы это не в твоих правилах, — заметил Глеб. — Значит, на себя уже не рассчитываешь? На свою выжидку? Боишься, не авариит?

— А раньше рассчитывал. Я просто констатирую факт. Ну, не тревожься. Мы уже договорились с Архиповым. Отступит.

Иван растерялся. Он посмотрел на Глеба, потом на меня, снова на Глеба и снова на меня.

— Глеб, работай, чего мне там делать.

— Как же нечего! — воскликнул Глеб. — Приборы будешь чинить на радость дядям! Институт кончили! Доктором арифметических наук степенши! Чуда! Говорит — нечего! Ну, ладно, Иван, я серьезно. Твоя заявка, пока бухгалтерия не заархивала.

— У нас бухгалтерия круглосуточно, — подсказал Митрофанов. — Особо если не получать, а выплывать.

Иван решительно тряхнул головой:

— Нет, братья. Никуда я не поеду. Если вы за тем приехали — зря. Брось, Глеб, я же не учу тебя жить!

— А я полюбую, — жестко сказал Глеб и повернулся к Митрофанову. — Видишь ли, Паша, люди веками надрылись, бедные, чтобы жить по-человечески. Да жизнь только потому и идет, верно! А он вот решил вывести новую породу людей. А мы вот с Юрой посоветовались между собой и решили: ни к чему нам эта порода. Решили: ладно, черт с ним, породаем, сколько численности от выродков.

Самоуверенный, холодно-насмешливый тон его нравился мне все меньше и меньше. Я видел, как осматривается Иван, и решил вмешаться, пока Глеб еще не все испортил.

— Старик, — сказал я Ивану. — Ты сам знаешь: мы никогда не лезли тебе в жизнь, но ты можешь жить, как тебе угодно, но твою материю и Галею это совершенно ни к чему. Поэтому мы и приехали.

— Поэтому? — перебил меня Глеб. — А с чего ты ты решил, что только я их делю? В их, разумеется, тоже, но далеко не только. Если бы так, я и их в лапкею не шевельнул.

— Конкретно? В тебе, во мне, в Зое, в Аркаше, в Светлане... Это ужикруг.

Можно шире: в Пашке вот, в Архипове, даже, может быть, в Писателе. Нет?

— А он разве что-нибудь может? — спросил Митрофанов и с удивлением посмотрел на Иванова.

— Да, представь себе. И это самое смешное, — сумрачно отозвался Глеб. — Сейчас он может рублей на полтора в месяц, учитывая полярный коэффициент. А в будущем, когда займется своей любимой математикой, даже трудно сказать — на сколько.

— Да, Паша, — возразил Глеб. — Во взгляде Пашки мелькнуло уважение... И что он? Нет? Я вроде бы не замечал.

— Чт, Моисеев? — сказал Глеб. — Объясни своему любимому бригадирю.

Иван молчал. Его сбивала с толку уверенность и нахлебленная злость Глеба. Он порой не было уже ничего от обычного лениво-снисходительного Архипова.

— Тогда я объясню. Он, видишь ли, Паша, считает, что должен раздать

себя всем и каждому. Кому попало: проходимец ли, нет — все равно, налепай! А заводно и мать свою, и свою сестру, и свою невесту, теперь, вероятно, бывшую, и вообще всякого, кто не остережится... Ему-то от этого ничего не будет. Паша! Телле тебе жывает!

Митрофанов глаза усмехнулся.

— Про ваше полковника я уже и не говорю. То есть про капитана, — уточнил Глеб.

Кухарим поднял голову и проговорил неожиданно ясным голосом:

— Когда я был директором...

— Молчать! — скомандовал Паша.

— Про Писателя я не говорю тебе. Может быть, это единственный человек, которому Иван нужен.

— А ты догадывай, — съязвил Писатель.

Он не прореагировал.

— Вот, Иван, твой статус на сегодняшний день. Поэтому-то мы и приехали, — заключил он.

— Зря приехали! — отрезал Моисеев и глянул во всем — зря. Это? Ну, уже — подумал я и разозлился на Глеба. — Самолюбивый болван — неинтересно! Юморист! Теперь Иван закусил удила, черта его проймай! Съездил!..

— Но Глеб и не думал отступиться.

— Да! — презрительно сказал он Моисееву. — Ты уверен? Тогда почитай вот это!

Моисеев поднял голову от листа и растерянно поморгал.

— Узнаешь подпись? — поинтересовался Глеб.

— Что это значит?

— Только то, что написано.

А написано там было вот что:

— Я благодарю за приглашение. Моисеева Мария Александровна, получила от Анисеева Г. А., а также от Григорьевы Ю. Н. в счет зарплатного моего сына Моисеева Ивана Николаевича... Сумма прописана. Число. Подпись.

Иван покраснел (все-таки покраснел!) и сказал:

— Я сейчас же пошлю телеграмму, чтобы она вернула вам деньги. — Вздыхнул, — заметил Глеб. — Позову или ни при нас отослала Галею. И купила новое пальто. Я этого не видел, но знаю. Во всяком случае, на ее месте я сделал бы это немедленно.

— У меня нет таких денег, — угромо сказал Иван.

— Правильно, сейчас нет. И не будет, пока ты здесь. Поэтому ты поедешь наиск. Поработавши. Не знаю теперь, по какому адресу, но даже если по третьему — это тоже неплохо.

Иван поднял голову и внимательно посмотрел на Глеба. Ноздри его широко, сплюснuto по-утиному носу шевельнулись. Он понял: зря здесь нет, кончилось дружба! И это давало ему новые возможности.

— Ты хочешь спростить я что-нибудь? — сказал Глеб, хотя Иван, возможно, и не собирался этого спрашивать. — Отвечай. Если ты откажешься, мы немедленно по приезде дома подем в суд. Вот так. Мы с Юрой не бедные люди, но и не настолько богатые, чтобы заниматься частной благотворительностью. Усмири! Я полагаю, что ты в такой подонки, чтобы выставить паль на народный бюджет в этом городе.

— А ты? — негромко спросил Иван.

— А я такой, сякой! Я именно такой! — вскрикнул Глеб, и по лицу его пошли красивые пятна. — И я это сделалю, понял! Немедленно! Ты меня знаешь, я доставляю тебе это удовольствие, можешь не сомневаться!.. Юрка, дай ему руку!

Я достал авторучку и протянул Ивану. Он помедлил.

И взял.

Стукнула дверь — Иван отпятился в бухгалтерию. В вагончик стало очень тихо. Мигала тусклая желтая лампа в пыльном плафоне, шестелела по стеклу местная снежная крупка — с темнотой подморозило и задумо.

— Этого ему хватит примерно на год прилежной работы и экономной жизни, — задумчиво проговорил Глеб и повернулся ко мне, как бы ища помощи и поддержки. — Твое мнение?

— Надеюсь, что хватит, — сказал я и подумал: «Пропали они пропадом, эти два брата».

Снова установилась тяжелая тишина. Потом булькнуло: Паша Митрофанов разлил по стаканам остатки водки.

— Жестоко, — пробормотал он и покачал своей тяжелой, квадратной головой. — Жестоко, Глеб.

— Да! — вскрикнул Глеб. — Ты тоже на плавальничку? Или ты думаешь, что приятно быть подонком? Жестоко! А морду бить директору — не жестоко! А будущему классику — очень гуманно!.. У каждого, Паша, свои методы. И это, поверь, не худший...

Приехали мы к вечеру, проводили Ивана на старую квартиру и дали хозяйке денег на выкуп, который каждый из нас любил, который каждый из нас строит по-своему и по-своему защищает от разрушения.

И вот словно бы струйка дыма протягивается от сопки к сопке: колеблется, расширяется, испарившись слабым цветом радуги, дрожит и тихонько гаснет.

— Последнее, — говорит Глеб, останавливаясь и поднимая лицо. — В этом году уже все — весна. Последнее, — повторяет он и адругу словно бы встраивается, словно бы начинает возвращаться в него тот, прежний Глеб, самоуверенный и веселый, не знающий сомнений в своей правде, в своем правде и в своих методах. Слабые блики всполохов, последние в этом году, тлеют над дымом, расплывают его пальто, в темных зрачках его — огни нашего белого города.

— Я молчу в смущении перед человеком, который лучше меня понимает суровое течение жизни...

Нет. Не так. Часто Глеб утомлял и раздражал меня неумной самоуверенностью, но теперь Глеб стоял в ситуации передела человека, который по а лучше меня понимает суровое течение жизни и по а тверже меня знает свое в ней место.

Владимир ТЕНДРЯКОВ

КОГДА ПРХОДЯТ МИНУТЫ ОТЧАЯНИЯ...

и пришел ко мне цветущий на вид, с живыми глазами, с той незанесенной решительностью в голосе, которая говорит о незаурядной энергии, сразу завоевывающей уважение.

Владимир Скубинин в те дни был одним из самых молодых кинематографистов, но за своей спиной уже имел творческий багаж — два отснятых фильма. Об одном из них, «История», велись шумные разговоры, много писала пресса. Он пришел ко мне, чтобы начать третий.

Рука, которую он мне протянул, напоминала мне руки раненых, какие я много видел в свое время в госпитале, — чуть вялая, с атрофированными мышцами. И мой рука после того, как зарубеивался раны, выглядела там же, потому я не придал этому особого значения.

Мы долго беседовали о сценарии, потом я пошел его провостать. Предложил:

— А не проглотить ли нам до следующей остановки метро?

Он согласился, и мы двинулись в километра два с метром. Он героически прошел и только в конце прикинулся.

— Устал.

Я удивился, тогда он мне снова сообщил:

— Я боен и скоро умру.

— Ну, ну! — Я, признаться, опешил... Что за фатализм?

— Наука разводит рукиши. Показывает какому специалистом, был в Англии... Там в одном исследовательском институте сказали: «Проглотите два года, может быть, мы найдем радикальное средство...» Мовет быть...

Он замолчал.

— Хочется успеть что-то сделать... сказал он.

И вот этот приговоренный и смерти человек стал работать на моих глазах.

В детстве я представлял труду инноватора чем-то вроде вдохновенной игры: набирает актер, одевает их в

латы и мольчуги, принадевает борды, дает в руки мечи, приказывает: сражайтесь! И встает кони на дыбы, залетают вонз мечи, топора, падают по поверженным враги, раскалывается лед под теонитскими рыцарями. Оператор крутит ручку аппарата, режиссер командует с возвышения, взирая на представление с гордостью и радостью. Что за мимика не мимика, а праздник, сплошные святости с перебиваниями.

Став аэросъемом, я вплотную столкнулся с трудом кинорежиссера, понял: другую такую измывающую профессию трудно найти. Режиссер создает, ему помогают операторы, звукооператоры, актеры, художники, монтажеры, рабочие-осветители, администраторы, ассистенты, редакторы и т. д. и т. п. Ошибка или провал одного человека сразу же отражаются на творчестве режиссера. А все эти люди по-разному глядят на жизнь, имеют свои творческие индивидуальности, свои чисто человеческие капризы.

А тут еще план, который нужно выполнить в срок, тут и светлы, в которые нужно уладываться, организаторские неурядицы, начальственные дилеммы, разногласия товарищей, предлагающие поправки, переделки, страдания зарыванием фильма.

Труд режиссера часто занесет от мельчайших капризов природы: дождь — нельзя снимать, облака, много, нужно солнце, солнце, когда нужны облака, а простон стоят деревья, за простон спривахают с режиссером. Во время съемок, режиссер целый день крутится, как белка в колесе, а этот рабочий день тянется от темна до темна, он пережевывается жестионми до скандалов разногласиями. И при этом постоянно неудовлетворение созданным; то актерам, то оператору не могут воплотить режиссерский замысел. Я видел, как изнемогал и концу съезочного периода режиссеры, обладающие неплохим здоровьем, как они ходили с ввалившимися глазами, шатались от усталости, впадали в депрессию.

И такая работа легла на плечи тогда большого человека. Ему было приблизительно пятьдесят лет, разделение, для него было опасно даже легкое переутомление, он не мог горлово говорить, быстро двигаться...

Его пальцы с трудом держат карандаш, ручку, но он пишет режиссерский сценарий. Он, расшинувший в кресле, репетирует с актерами, пропуская их десятками за день, введаясь в нарядное, испытывая, споря, отыскивая нужных. Скубинин не удовлетворит предложенные студией художники, он сам находит молодого, талантливого, недавно окончившего институт. Он просматривает эскизы, проверяет костюмы и грим, хлопочет, чтоб увеличился норму расхода пленки, спорит с бухгалтерией, урезающей деньги, отпущенные на массовые съемки.

Подготовительный период длится месца два, а за это время болезнь прогрессирует: за обедом немождано из рук выпадает вилок, ноги стали заметно хула, слышатся, слабощащая шея с трудом дернит голову, голос становится менее внятным.

И вот разгар съемок. Он сидит на берегу реки. Если ему раньше нельзя было двигаться быстро, то теперь он вообще двигается с трудом. Слишком дано он не мог горлово говорить, то теперь каждому сказанное слово требует больших усилий. Он вдавлен в кресло, непослушные руки безжизненно лежат на подлокотниках. Крикнуть не может, всюнчить на ноги тоже, не в состоянии показать актерам, как нужно двигаться. И все-таки он работает! У него активные и энергичные помощники, немотное слово проносится громким голосом, едва уловимый жест становится приказом.

Как бы велика и негсимаема ни была воля этого человека, но без преданных, чутких помощников он не смог бы провить шею. Первый друг и помощник Скубинина — его жена Нина. Она его ружки и его голос, она частица Вадимина Скубинина, рабочий день которого продолжается в темноте. Она переписывает сценарий, находит нужных людей, передает по телефону указания, при этом все само работает, при этом она воспитывает сына. Но мало что видит ее талантливый друг, Нина встала в тени.

В привоканном к столу режиссере есть особая похоровающая сила, которая подлннчивается все, начиная от мелки, случайного человека на съемках, включая операторов, актеров, новую рабочими.

На берегу реки он шумит, идет, чадит костер, сияют «жюги». Идет съема фильма «Чудотворная». А в этой толпуе сидят и другие актеры, около тридцати, с трудом дернит голову,

он главный пружина всего, он рубит-водит,ло, на каждую минуту трудами преодолевает пропасть, отделяющую его от здоровых, инициальных людей.

Когда мы с ним задумывали фильм, Скубинин без великой помощи пришел ко мне из одного конца города в другой, поднялся на восьмой этаж. Фильм окончен, а Скубинин без помощи помощников не может подняться с дивана, уже совсем не может держать карандаш в руке, голова падает на грудь, и я почти не понимаю его: настолько невнятна речь.

Поражен спинной мозг — вунут руки, сохнут ноги, спаают голосовые связки. Поражен спинной мозг, но не мозг головы. По-прежнему взгляд ясный и пронзительный, но внутреннему удивляет память этого человека, амстительная, острая, натренированная, подчас повергающая меня в смущение. Он может поспрсить любого, искусствовед, занимающегося живописью, в литературе Скубинин осведомлен больше меня, профессионалу удивляет память этого человека, его медицинские познания не уступают врачу: мозг живет, незаурядный мозг волевого человека.

Кончен фильм, вперед бездеятельности, а это смерть, затянное, на годы, медленное умирание.

И вот Скубинин пишет новый сценарий. Если б можно было выжить, отгадывать, помыслить, то жаль: не зря с каждым днем болезнь отнимает силы. Сейчас или никогда! Скубинин решает работать, фильм об окотине-медвежатине.

Его воист на съемки, он почти не может двигаться. Его ружки понижают только самые близкие. А съемки идут в сложных условиях, большая часть работы проходит на натуре, под открытым небом.

И снова сплещеня свет «жнгов», суматоха, ирини, актеры, загримированные под окотиную, собани, рывающиеся на ведедети, ведедети, оглажающиеся на собани... И снова в центре всего человек, с усилиями держащий балансирующую на груди голову, еще более беспомощный, чем раньше, и перемонно собачный. И люди вокруг испытывают затанное удивление.

Наверное, это единственный во всей мировой истории кинематографический перелом, когда организм разбалансированный человек справился с

МЫ ТАК ЖЕ ЖИВЕМ

Владимир Скубин в период съемок фильма «Суд».

Александр БОРИН

31 ДЕКАБРЯ 1962 ГОДА

такой творческой работой, как съемка фильма. А он еще находил время читать, он был в курсе всех событий, знал все новинки литературы. Невольно приходит мысль: что если бы этот человек был здоровым, с его волей, с его энергией и упорством, какие бы дела он творил, какие бы планы подымал в искусстве!

Когда мне бывает трудно и жизни, когда на меня насадут минуты отчаяния, я вспоминаю Володю Скубину. Трудности, с какими я сталкиваюсь, не идут в сравнение с теми, что пережил он. Он не боялся каловодия. Вспоминаю его, я начинаю стыдиться и собственного каловодия.

Человек может преодолеть многое — этому пример короткая, яркая, насыщенная деятельность жизни Владимира Скубины, констатация подвигов в инюности.

Для миллионов людей он оставил свои картины, для тех, кто знал его близко — не побоясь высокого слова — нетленный богатейший дух, помогающий жить.

Михаил РОММ,
народный артист СССР

ОБРАЗ ГУСЕВА

Володей Скубиным я близко познакомился в 1959 году, когда он заканчивал вторую свою картину — «Истокность».

В это время организовывалась наша третья творческая объединение, и Скубин вошел в него. Я уже знал, что он боевой, боевой тяжело и незалежно. Внешне Володя производил впечатление не только здорового, а просто цветущего человека: румяный, с выгнутым округлым лицом, курчавый, какой-то очень добрый. Но мы уже знали, что медицина не в силах ему помочь. Мы знали, что у Володи بود постепенно расшатываются мышцы, что наступит кризис, когда ему уже не сможет говорить и держать голову, но сознание останется ясным. Голова будет работать, сердце будет биться, а человек будет постепенно и медленно

умирать. Мы это знали, это знал и сам Володя.

После «Истокности», по моему, мы предположили ему отдохнуть. Он ответил, что у него нет времени, что он должен немедленно, сейчас же начать следующую картину. Он ни слова не сказал про свою болезнь, но мы хорошо поняли, что означают слова: «нет времени».

И, действительно, почти сейчас же он начал работать над сценарием Гендрикова по повести «Чудотворная».

Группа уехала в долгую экспедицию, а когда она вернулась, я с трудом узнал Скубину — это был уже совсем другой человек. Как раз в это время я работал над сценарием «В днй одной года». Мы с Храбровициным строили характеры героев. Много спорил, вымал образ Гусева. Нас спрашивали, типична ли такая фантастичность, такая преданность своей идее! Момент ли человек, знал, что он обучен, работал вот там, он работал Гусев!

А перед нами стоял все время образ Володи Скубины. Гусева-финна мы писали, думал о минорежиссере Скубине.

Перед «Чудотворной» он ставит «Суд» — картину о совести человека. Было, что не правду, если скажу, что работа над этой фильмом была подвигом не меньше, чем подвиг Николая Островского.

Помню, мы собрались в объединение и размышляли о том, как же сможет этот человек, который не может стоять, как сможет он вынести огромный труд еще одной картины. Скубин, вероятно, почувствовал наши сомнения, на совещание он принес одну из своих творческих по работ. Скубин просил передать, что если мы хотим продать ему картину, то есть только один способ — разрезать ему спину! Я сказал, что я не сделаю эту картину, которую я не мог смотреть без слез. Потому что я, старый профессионал, хорошо знаю, что такое труд режиссера и чего стоит Скубинский каждый кадр. Я сказал, что я знал о Скубине, я рассказывал Баталову. Образ Гусева в картине — это своего рода награда, я решил списать слово советского зрителя, мы все рассматривали и рассматривали как своего рода платоническую прелесть человеку инорежиссеру Владимиру Скубину.

1 декабря 1962 года я встретил Новый год у Володи Скубины. Все его жить лет назад он поставил свою первую картину «На градских развалинах», а теперь закончил «Суд» и знал, что это его последняя картина.

За новогодним столом не было заграничных шам, не подымало обсуждению лишь Володино здоровье, оно не поддало ему ни обескураженно, ни лечению. И, подымая разные тосты, мы не подымали только тост за Володино здоровье!

Но вовсе не была иррациональной этой новогодней встречей с неподвижным человеком во главе стола. Он радовался шулке, белой шапурте, шампанскому в бокалах, свежей информации, забавным притчам, всякому новому звонку за дверью.

Кажется, он радовался и незваным людям, которых кто-то приводил к нему. Мы болтали, делились, когда в комнату входил незнакомый человек, а Володя отвлеченно улыбался ему.

Вспых нас поражала сиреневая Валюдина стойкость, но прежде всего я испытывал к нему острую благодарность за то, что до последних дней нам не приключилось стыдливо от него притать свои обыкновенные людские мятельные радости.

Володе нельзя было навещать, с ним можно было только общаться, общаться до последней недели и до последнего часа. Володину речь разбирала уже одна Инна, а он оставался нашим равноправным собеседником, он не разболел спорить и попрежнему разражался, если возвращали ему приблизительно и несвоевременно.

Болезнь не притупила ни Володино интеллигентности, ни его любознательности, ни его потребности быть доскональным и точным в суждени-

ях. Я тогда вернулся из Польши, собирался писать о ней, и Володина энциклопедичность инна мне была, чтобы обудать свои первоначальности и во многом аморфные туристические ощущения. По-моему, он инновенно доверил легкомысленному труду «штинерного серафина» и в собственном творчестве вдохновение поимал как высшую концентрацию осведомленности и обдумывания!

Парализованный Володя Скубин не только сумел поставить хорошую и честную картину, но и сумел до последнего часа, оставаясь действительным главой своей семьи, гордостью своего семилетнего сына.

Талантливые люди часто становятся центром своей семьи оттого, что требуют к себе больше всего заботы и внимания. И Володя требовал и себе очень много заботы и внимания. Но не болел, ему давала власть в семье, а его редкое моральное здоровье, его редкая человеческая значимость, его обаяние и его талант. И я знаю, что он радовался этой своей власти в семье, он радовался Инне и гордился сыном, первыми действиями свидетельствами его будущих дарований и добродетлей.

Печально, что человеческие пределы чаще всего раскрываются не в торжестве, а в трагедии. Я знал Володю двенадцать лет, я впервые увидел его на какой-то студенческой вечеринке. Сильный, огромный, подхватывал Инну на руки, он кружился с ней по комнате. Я помню, что он был фразом, ладаном, работавший любой аппетитной фразы. Я знал в Володе достойного человека, а чтобы унать в нем героя, и сознание, понадобилась трагедия.

Последняя Володина новогодняя астрача была радостной еще и оттого, что всех нас за столом объединяло нечто: болельцы, немилый общий разговор или общая профессиональная принадлежность. Нас объединяла нежность, и Володя Скубин, и он это, кажется, понимал и не запрещал быть к нему нежными, но требовало, чтобы ты был нежным, а не жалостливым. И потому мы все ною над ним, что в трудный момент дружили и он думал Володей, а он улыбался, и когда Инна подносила и его губам вино, ты и в трудный момент дружили и он думал Володей, а он улыбался.

Мы не могли только за успехи и за здоровье Володи Скубины.

начит, ты знаешь его?

— Мы оба недавно посмотрели в углы коммунки, где, полагаю грязный кулак под голову, бросив другой на спину соседа, спал Самсонов.

— Ну и как же ты относишься к тому, что он прободал двести двадцать пять километров по морю за сакмэй? Морозец-то был ой-ой!

Василий посмотрел на меня с прищуром, оценивающе. При этом его нижняя губа легла на верхнюю, нос, тонкий и без того с горбинкой, стал красноватым. Путь бровей поднялся на лоб и словно перемалывал поволоку. Он похолол на казак из предторной станции, на боксера — тяжелые руки, покатые плечи. — Только не на руководителю мирного торгового кооператива целинного совхоза.

Весь день он спал, укрывшись выщербленной кожанкой. В единственную комнату избы, которая служила первоначальным пунктом на пути из Кустаяна в совхоз, входили люди в ветутихих брезентовых плащах. Они валились на стулья, брались мешком и с тем, кто сидел на кровати, завернув матрасы валком. Победою дребезжал радиорепродуктор.

Василий спал до вечера. Он упремо вскрывался, если лодки толкали кроватки или пытались сесть ему на ноги. Когда все развалилось, или условно рассматривали, или ухмылялись в совхоз, кто пошел искать место для ночлега, кто лег прямо на зазеленный комыль грязь под, — выключала радио. От внезапной тишины Василий проснулся, опустив короткие ноги и стал задумчиво рассматривать белое мутноватое сито галзула. Потом спросил закурит. Мы переборщились двумя-тремя ничего не значащими дружескими фразами.

С чего же начался разговор? С книжки. Потрещавшая, залетая с одного края автомобилем, она появилась в руках Василия, когда он подошел к столу, к лампе.

— Что это у вас? — спросил я между прочим.

— Василий пожал плечами.

— Книга...

— Интересно!

— Василий согласно кивнул.

— А что вообще интересного?

— А что может быть интересного? Сами видите: степь да степь. Возм продукты в совхоз. Рапущица прокладывает...

Василий замолчал, взялся за книгу. В комнате спали. Воздух был густым, тяжелым, словно в закрытом кувшине. Смыкалось, как прерывисто вздыхает Самсонов во сне. Где-то очень далеко сигнализатор затерявшийся в стене машина...

«Неужели и этот не видит ничего вокруг? — подумал я. — Может быть, вообще люди не замечают героизма, когда встречаются с ним ежедневно?»

— Интересного очень много, — назидательно сказала я. — Уж вы поверьте, я елжу, собираю материал, вижу. Да вот ваш же экспедитор Самсонов, что на полу спит. Мне рассказали, как он вез продукты после бурана.

Мы посмотрели туда, где спал Самсонов. Вероятно, мы видели разное. Я чувствовал, что в душе Василия происходит какая-то внутренняя работа.

Он подмигнул мне, как бы приглашая вступить в выработку, но не совсем законную сделку.

— Я дам вам материал, хотите? Настоящий героический. Совершенно достоверный. Записывайте.

...то было под самый Новый год. Я приехал в Кустаян за теплыми вещами. Но, как у нас говорят, «попал в Кустаян», — не сподобил. На складе валенок нет, полушубки нет, шапок меховых нет, рукавиц ватных нет. Они, конечно, есть, но на всех не хватает, а разнорядка на нас кончилась. Уж я и по-хорошему выпрыгивал, и требовал, и по начальству два раза ходил. Говорю: у нас совхоз дальний, двести двадцать пять километров до Кустаяна. Ребята в холодных тракторах мерзнут — дороги расчищают, снег на полях задерживают, технику к весне ремонтируют. И, между прочим, первое место в районе занимают. Говорю: неужели нельзя вовремя завезти теплые вещи на целину? Это же простая вещь!

Я бегаю: где требую, где кланчю, — а тем временем наш директор из совхоза каждый день по телефону звонит: передайте, говорю, моему рабкоопу, я ему голову оторву. Да черт возьми, что же я не понимаю, что мне? У меня у самого младший брат — тракторист. Мороз не мороз, он в чужеру тряпачивает легкий ватничек — и к трактору. Пока разогреет его, как раз рассветает.

Ну ладно, короче говоря, как жаждал сверху,

получил я и валенки, и полушубки, и шапки. Вздв кое-что из металлической галантереи и уж, конечно, водки к празднику — шесть ящиков. Вместе с валенками всучили мне, между прочим, резиновые плащи как привидительный ассортимент. Всего товару вышло около тысячи на тридцать.

Надо вылезать — буран! Дороги замело. Сидим мы день, два, пять. Несколькo раз пытались машинами пробиться, все встнуло. Двести километров лонатами не проехали. А уж завтра двадцать шестое декабря. Доложно мрачный праздник будет в совхозе, даже отметить нечем: водка-то в Кустаяне загорает.

Иду я к дорожному начальнику. Улетел в Алматы. Я к заместителю, спрашиваю: «Когда дорогу прочистят?» Он: «Трасса нет, утолщины к тракторам нечем делать. Инженер, говорит, за ними в Чедабинск убула, тридцать первого прибурдет». Эх, я тут взвизвал! А он мне: «Без паники, — говорит, — товарищ. Помните, что вы на целине, а не на курорте!» Видите, как рассуждает!

Ушел я от него.

Думаю, что делать? Неужели к Новому году не доберемся? А получается, что так. Пока пройдет грейдер, расчистит, пока колесо накачают. Пока доедем...

Двадцать шестого декабря, что-то очень рано было, часов в шесть, проснулся, слышу: работает трактор во дворе. Выбегаю. — Ребята из совхоза. Говорят, директор прислал трактор и вагончик за продуктами. Ну мы быстро погрузили все. Ребята перекусили, да и им бутылку с радости. Часиков в девять выехали.

Кончился город, переехала Тобол, исчезло последнее домишки Затобольск. Вагончик наступался, на ходу скрипит. От мороза дерево звонко стало. Под полозьями снег встывает. Мотор ревет. А за окнами медленно так проламывают асфальтине балки. Повисает телеграфный столб, потом второй... Трактор наш держится вдоль столбов, там, где дорога под снегом.

Мы ехали целый день и вечер. К ночи добрались до села, остановились у казак знакомого, попили чаю, согрелись, утром поехали дальше. Опять

мороз. Вагончик скрип-скрип, снег под полозьями журчит...

Так мы и ехали. Потом часа в три два оборачивается этот вагончик. Ребята говорят: «Нужно тут сворачивать». А до сворачив до ближайшей километров сто с гаком. В нашем же совхозе сварка!

Постояли мы, постояли, потом ребята, трактористы мои, говорят: «Ну, как решаем, Василий, поедем с нами? Стоять — что ждуть? Только три солдаку жем». Я говорю: «Замрите, замрите к директору, передайте: как только дорогу пробьют, буду в совхозе. Завтра к обеду машины должны пойти». Они говорят: «Ну ладно. И уехали. Оставшая буханка хлеба, сел на трактор, воткнул шестую скорость — и нет их. Если бы я знала, мороз, остается товарищ один. Там, наверное, прощались бы, бесконечно: «Да как ты будешь, да как ты останешься? А я бы должен был говорить о долге, что не могу бросить продукты, то да се. А тут видите как: постояли и разошлись». У ребят и в мыслях не было, что я могу бросить посреди степи вагончик с продуктами, валенками, водкой и этими прокладками плащами резиновыми — привидительным ассортиментом.

Ну вот... Трактор уменьшился, уменьшился, потом — раз! — и нет его. Умом-то я понимаю, что один остался, но сердцем как-то не чувствовал, что мне предстоит одному проехать полая, ночь и, может быть, еще полая, что спать ночью не придется: на таком морозе засыпал — не проснешься. Почему-то я не думал про опасность, что замерну. Вот на фронте раз — я был на флоте — пришлось мне поплавать на брешне в открытом море, одному, без всякой, так сказать, надежды на спасение. Падал был совсем... Вот тогда я почувствовал, что такое опасность! А тут как-то не верилось. Мирная обстановка, не война.

Вонша я в вагончик. Сел, достал книжку. Селжу читая. Сквозь щели в стенах солнце светит, на полу у щелей бархатчики снега наемало. Так я читал до вечера.

К ночи еще похолодало. Хотел я поест, взялся за буханку, а она замерзла. Начал я ножом поло-

НЕ МОЖЕШЬ!

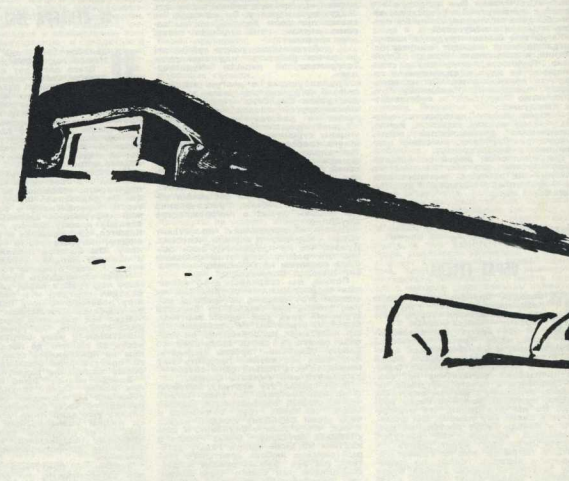

Рисунок Ю. ВЛАДИМИРОВА

сия стоснувать и в рот класть. Куски язык жут, а когда отгад — тесто и тесто.

Разобрал я внутренне переборки вагончика, разложил часок. Сижу, руки грею, а спина мерзвет. К туру, часам к четырем, перегородки когчидель. Ну, думно, перемерку. Укрался полушубками, плашками, валенками. Как-то дурно уютно стало, а рядом положила буханку, отдала-ва кусочек, сосу, глюхо. Потом стаа замерзат. Будто делают тебе ухом обезобразившие. Кого-то палды ног — и не чувствуешь, пятки поволола — и нет ступней. Разворочила я свою пещеру, вскопча — на ноги ступит болано, тоби кричи. Развился кое-как.

Хожу по вагончику, темно еще, снег хрустит. Наверное, весь пол замело. И страшно подумать, чтобы открыть дверь тоби по нужде. Кажется, не за что бы открыла. Вот и не вижу, что сижу, а знаю — ночь, звезды, зеленые и голубые. Ну, думно, черта с два! Не замерзну, не дам-си! А в сон клонит. Так я и пробегала по вагончику до рассвета. И хлеб доел как-то так, само собою. Уже светило стало, задраема. Сна, о чем-то задумался — и конек. Проснулся — аж страшно; нет ног. Станца валенки, еле растер. Сна бегать. И, верите, только не боялся ничего, не чула опасности. Только и ждал: вот помышатся звук мотора — бульдозер дорогу прочиняет. Трактор в степи-то далеко слышно...

Поднялся солнце. И степь под ветром замрилась. И заколмалась, заиграя снежная радуга в полноразно — обручн в земаю врыта. А я все сижу, прислушиваюсь. Как солнце сколихало, я пошла: ждаться на сегодня нечего. Вот тут-то я и заснула! Как-то внутренне не быа я готов, чтобы еще раз перепопачать здесь. Верите, мне даже не хотелось, чтобы солнце уходило, как будто оно живое или мы вроде с ним товарищи. Но ведь ночь-то не мпновать. Стаа, чтобы время убить, считать шапки, плащи, валенки, япки, бутылки. Все надеюсь — не сойдется с накладкой, тогда, думно, еще раз переисчитаю. Так и время пройдет. Но, как назло, все сходилось. Оно, когда не нужно, всегда все поучається.

Под вечер стала меня бить мертвая дрожь. Со спины волной да во всему телу. Трясет так, что с ног валит и усидеть не могу. Эх, думно, сейчас бы водочки, погреться! Подошла к качающему ящику, отодраа плавку, руки трясусь. Взяа бутылку, и слово по голове кто удариа, даже дрожь пропала: замерзла вода.

Васильи встал, пошел, отбгива сплщич. Тень его, словно скорчившаяся обезьяна, металась, прыгала на стены. В передней звонкула кружача ко ведра, поспалмалась глотки. То приближалась, то отдалялась, где-то рокотал трактор. Близко зачавкала грязь, кто-то подошел к гостинице и через

окно поглядела внутрь комнаты — еле белело лицо за стеклом.

Васильи быстро вернулся на свое место за столом и приблизил ко мне плоское, узкоглазое лицо. Осветившее сбкку лампой, оно мне показалося морщинистым, незванно появившимся. Как будто он только что с дороги и не съеза много суток.

— Так вот. Наступила вторая ночь.— Васильи помолчал, подсыкая слова.— Запиши: наступила чертн ужас.

Он быстро поглядел на меня испуганно, недоверчиво, погляди ли я, что значат эти страшные слова. Потом отвернулся, вскинул голову вверх. Закурился, горько и безжалостно сжака челюсти. И я испугался, что больше ничего не услышу. Но через мгновение он заговорил снова, словно для него имел смысл не сам рассказ, а какой-то особая цель, которая была важнее рассказа.

— У меня начались сонные обмороки — хожу, хожу, валос, снова встаю. А в голове ревут моторы, коломла звонят. А раз очнуся — лежу на снегу. Когда лег, не помню. И дверь открыта, когда открыла, не знаю! А перед глазами медленно кружатся красивые, зеленые мухи, и зови в голову вроде бы управляет их кружением. Я старался сделать зови тише, чтобы мухи оставались... Мухи вот-вот остановятся, замрут... Вот и хорони думно! Легче стало. Можно на умцу выйти, так тепло, лето. Сяду на лавочку в тени. Нет, лучше лгу на меауку, мягкую травку, на самом солщиче. Как это и раньше не соорриза, что на дворе лето! И так тепло, хорошо стало! Как иной раз летом замлелась в погреб, замерзелье в сырости и, стои на лду иперемку с соломой, вспоминшь жардт, что на дворе июль, Лухота.

Думно о лете, а у самого мысля сквозит: что за чулуа, неужели с ума скожу, какая еще, к черту, скамеечка, трапка! И то же время глази не могу отвести от березки и зеленой травки. И шальная надежда в голове: а может!..

Когда чуть очуался, добрался я полком до двери, толкнул ее. Опять степь амнитсия, бедными огнями радуга истрет. Бесраламичное ко яскому небу. И рядом какой-то вагончик, валенки...

Что-то пришло к щеке. Я поднял руку, ухвати что-то мягкое, целоуочное, потянул и содрал кожу с лица. Целый клоск. И тут я почувствовал, что во мне все сламалось.

Я вывалился из вагончика и пополз, один перед лицом спящего неба. Смер снаегос, но наст бы толкнй, острый, и руки проваливались. Скоро я распорол варежки, использовал руки, но кровь из порезов не шла, толи порезы были губочнее.

Кое-как я встал и побер, то и дело падал и тыкался головой в снег. Потом я соорриза, что нужно идти там, где на наст ветер наду невяское

барханы. Тогда ноги не проваливаются, иди легче.

На снегу, как на море, солнечная дорожка. Шел я по этой дорожке и не думал ни о море, ни о суне. Мне уют было все равно, все едино, только бы шкуру свою спасти!

Потом вылезл из сна. Салавил в снег. Легку. И вдруг меня хлестнуло: «Ах ты, сволочи! Трус! Негоднй! Засучил! Все бросил! Сбежал! Шкуру спасты! Замерз!» Как собака, как трус. Вста! Вста! Вста! Вста!

И подосаа я! Побожка назад. Заставил себя И обрести вниманиа ни на наст, ни на что. И вот бегу я, тащусь, еду, и заставляю себя вспоминать всех, всех до единого ребят, совхозных товарищей моих. Миронщичево — как он в бурн полк, вранчу на себе таша. Самсонова того же, Красновского. Горькая. Как горе на первых горах хлелали, а степи мерзат, стубки с трактором не слезали. Порадоваа их Вася-рабрати Сбежал! Трус и дермо.

Ташился я из последних сна и говорил себе так-то, что человек, наверное, себе за всю жизнь один раз говорит. Потому, когда сна стало, пополз. Потом вагончик увидела. Ярдом трактор стоит, люди копошатся.

И тут я пошла: вернулся. Мои ребята вернулись! И заплакал.

Осыбал, ребята садал.

Помню: очень мне было обидно, что вот они вернулись, а меня на месте нет. И еще помню: слезы щек режут.

Как меня по дороге, как потрузил в кабину, не помню. По поробам наш трактор шоферы догнала. Доставали они меня в совок, хотела састь в больницу, но, рассказавши, только на минутку завезла домой, залез я на печь и тут же заснул. А дело было уже тридцать первого вечером. Хозяйка меня будила, будила — куда там! Проснал Новой год. Утром первого веси соловом провордил я в больницу. Видите, на палмдах когчичи отгнать пришлось да на вогах...

Я смотрела на него и видела бесконечную снежную равнину. Тылкаса головой, поползет по ней вот этот самый человек. Но я во время черные лохмотья на сожженном морозом леду. Почерневшие палцы. Он ползет и плачет. А над ним, перелавясь, искрится снег, снег, снег...

И я заговориа. Я говорила, что вот люди часто сами не замечают, какие героические дела совершают. И об этом нужно не то что писать, а кричать во весь голос, чтобы все знали. И это героизм, который...

— Молчи!

Я почувствовала резкую боль в руке, Васильи вымрвал у меня блокнот. Искалеченные палцы комкала бумагу.

— Мне не нужен такой героизм. Я не хочу замрзнуть в степи, как тот тышк. Из-за Стенуэтуча. Что он вовремя бульдозера не высалаа дорогу чистить. Из-за главного инженера. Что его черти увесил под Новой год за тросами. Ты помни: если мне еще раз придется, все равно повезу прокляты и заморзат буду. И Самсонов побойзат за сынями. В конце концов совок-то там не улам, ребята мжать надо. Но я спрашиваю: почему так поучається!

Мы основан целину, шли на риск, и мы знаем, черт дери, когда он неизбежен. Ну, буран — дело покаяния, степь — ад. А тут! Иератростные, безрукие люди, которые чепч-то там не улам, не предусмотрели, где-то прохолопан упавши. И потом нас же призывают к героизму! Дескать, я на це-ляне...

Васильи замолчал. Подняла желваками. — Извини, — протянул мне. Надо помнить об этой второй стороне, раз влезая ивять про героизм.

Васильи подошел к двери, резко распахнул ее. Отогев в лампе адрогрота, тень вырслас на стены. Я встал с кровати. А тут! Иератростные, безрукие люди, которые чепч-то там не улам, не предусмотрели, где-то прохолопан упавши. И потом нас же призывают к героизму! Дескать, я на це-ляне...

Ярдом мирно чмокнула грязь. Запахло сырью землей. И вдруг отчетливо догнел из невооруженого далека тоскующий, прерывистый крик машины:

— Ту-тууу... Ту-туу...

Вышел новый сборник стихов Павла Кудрявцева «Океан состоит из капель». Конечно, каждая строка этой книжки по-своему: одним она нравится больше, другим меньше; кто-то, может быть, подумает о том, что поэт, пожалуй, слишком традиционен в форме (все жамба да ямба); другим, чего доброго, покажется традиционным и само содержание (опыт о природе, опыт о «времена года»).

Да, верно, снова о природе. Но и торопится, прочтете вы книгу: все же как хорошо, что и старым не так уж легко, во-вторых, и листья березы или дуба еще можно сказать много такого, что не было сказано в стихах других поэтов.

К тому же хороший рассказ о природе, о ее красоте — это непременно рассказ о человеке, о движении души, а это всегда интересно и интересно. В лучших стихах П. Кудрявцева как раз и подкупает прежде всего то, что поэт, любясь щедро красками природы, все время и дит перед собой лес и поля России во всех тех измерениях, в каких и хотим видеть и помыслить человека: всю душу с ее неповторимым жаром и темпераментом, с ее ошейником и судьбой.

Вот поэт пишет будто бы только лес, о субрабах, о морозе, будто бы только о лесной стихии, а мы читаем в этих его строчках и о горбах, более существенном и важном.

В лесу стоит такая тишина. Что ветка снега не обрушит. Что, тишину боясь нарушить. И сам как вопиющий стоишь. Но под покровом белой стужи. В лесу что дремлет в беслах снах и под субрабами густыми. И чужо скрытых сил размах.

Павел Кудрявцев всю жизнь писал о русской природе, которую он любил и почитал сердцем. Наш временик неровно, подчас uneven, но по красоте слога, но по силе, по книжке к книжке, по существу стих. Голос поэта звучит и негромко, зато искренне и ясно. Но океан и в самом деле всегда состоит из капель, в то числе и океан нашей поэзии.

Э. ЗВОНИЦКИЙ

В. ТЕМЛУТОВ

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕСНИ

И ширею пали... Траурный марш. Одна из любимых песен русских революционеров. Ее мелодия в 1819 году была записана по приказу В. И. Ленина и исполнена Кривенским и музыкантами. Однако ни в одном песеннике нет упоминаний о ее создателях, авторах слов и музыки. Правда, в книге профессора Розовова «Русские рабочие песни» говорится, что слова песни принадлежат немому В. Г. Архангельскому, а в одной из русских революций и обнаружена упоминание об источнике слова этой песни — указывалась газета «Русское обозрение» № 6 за 1878 год. Интересно, что газета прекратила свое существование в 1878 году и последние ее номера был шестой, то есть тот, в котором было помещено стихотворение «В дороге», ставшее основой будущей песни. Но в газете стихотворение подписано — А. Архангельский, а не В. Г. Архангельский, как утверждает Розовов. Быть может, другой инициал поставлен из цензурных соображений? Или это разные люди?

Надо подробнее узнать о редакторе «Русского обозрения» и том, почему именно на этом номере газета прекратила свое существование. Редактором газеты был И. Градовский, основательный же в 1876 году. Газета неоднократно подвергалась предостережениям цензурного комитета, несколько раз закрывалась и, наконец, окончательно прекратила свое существование. И — все.

Однако мне удалось найти записки самого Градовского. Это был рассказ о мытарствах прогрессивного газетчика, о бесчисленных принах с цензурным комитетом. Между прочим, Градовский упоминает, что стихотворение «В дороге» написано студентом из Харькова...

демонтом из Харькова... В руках перепалит.

В справочнике деятелей революционного движения значится девять Архангельских. Среди среди них и Александр Иванович Архангельский, уроженец Орловской губернии, в прошлом учитель, затем студент медицинского факультета Харьковского университета. Он участвовал в работе революционных кружков, агитировал среди железнодорожных рабочих, создал иллюстрированную газету, служившую революционной газетой. Он был арестован в феврале 1876 года. После освобождения уехал за границу. К моменту опубликования стихотворения «В дороге» ему было 26 лет. Оно и оказалось тем самым «студентом из Харькова», о котором упоминает Градовский в своих записках.

Итак, автор слов — Александр Иванович Архангельский. Но почему только три четверстины вошли в общезвестный текст песни — те, где идет обращение на «ты»? Откуда же эти «фантастические строки»?

В одном из номеров по слезам Градовского говорится, что с «Русским обозрением» был тесно связан друг-напарник И. М. Познер. Его стихотворение «В дороге» и «Русское обозрение». Одно из его стихотворений, начавшееся словами «Вы жертвою пали», написанное им отклик на недавний процесс 1923, после заглавия газеты не было опубликовано.

Григорий Константинович Градовский и принадлежит заслуга объединения стихотворения Познера и Архангельского в одно. Он передал представителям революционного студенчества текст, который распространялся сначала по Петербургу, а затем по всей России.

Не менее интересна и история музыки этой знаменитой песни. Заслу-

га этого открытия принадлежит Л. Волкову-Ланитт. Мелодия песни «Вы жертвою пали» была создана Николаем Николаевичем Ионининым. По его признанию удалось установить эту историю.

Однажды, когда Ионинин был еще мальчиком, его бабушка, в прошлом учительница Ференца Листа, рассказала внуку историю о двух римлянинах, один из которых был защитником бедноты, а другой служил капитаном. Мальчик написал на эту тему либретто и музыку небольшой одноактной оперы. Особенно ему удался финальный похоронный марш.

Сочинения своего двадцатилетнего внука бабушка Ионинина показала Листу, который в 1879 году был в России и навеял свое бытию ученику. Музыка очень понравилась великому композитору, и уезжая за границу, он взял ноты с собой, Лист предложил мелодию траурного марша напятьдесят четыре военных оркестров, и вскоре музыка приобрела популярность. Уже в 1880 году было предпринято ее издание под названием «Любимый военный похоронный марш», правда, без указания имени автора. Когда Ионинин было в то году 10 лет.

В 1889 году, будучи студентом Виенской консерватории, Николай Ионинин условился мелодию и предложил известному дирижеру Зюлотарю исполнить ее с астрала. Но при первых звуках музыки вышедший на сцену полковник приказал прекратить концерт. Композитор и Дирижер были взяты под стражу.

Только в полицейском участке Николай узнал, что на мелодию его похоронного марша революционеры поют «Вы жертвою пали»...

«КАРЬЕРА АРТУРО УИ» СЕКТАРИАТЪ, НЕ МОЛОДОРОДНО НЕ МОЛОДО НЕ БЫТЬ

В один из воскресных дней ноября молодые актеры театральной студии МГУ сдвинули спектакль по пьесе Бертольда Брехта «Карьера Артуро Уи, которой можно не быть». Внесудебные юные театральные постановки в непрофессиональном фойе: «Зря рыцаря не пришел. Сегодня будет играть в подполье». Но студиям играть в подполье — это так же хорошо, как и сейчас в клубе МГУ на улице Герцена.

Исполнители спектакля «Карьера Артуро Уи» доказали своим творческим правдами участие в спектакле — это столь широкая проблематика, как борьба с фашизмом, антиутилитаризмом, демологией — со всем, против чего борется в своей пьесе Брехт. Задорность, фантазия и сила молодости не ушли студентам в сторону, а стали только же добрыми слушателями. Сетей Ювоник, которого высоко ценят Брехт как театрального режиссера, и молодой талантливый Марк

КАК ПИСАТЬ ПЬЕМА

ЛЮБИМЫЕ

Александр ИВАНОВ

СЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ

Я вновь сельвор. И путь мой сиром...
Поля мои Коку я друтому?
Друзья мои! Что и востану?
И я пишу. И зам знакомый
Ложится на мою тетрадь...
(Николай Тряпкин)

Друзья, приятели, сельворы!
Обратно пришла я в село,
Беру и слышу разговоры...
— Ты глянь, поэта принесло...

Во мне зерно. Во поле язны.
Как черномз душа уся,
И собираю все деревню
По деревенски голоса.

Талант мой сиромен. Тих мой голос.
И я, наверно, не колосс.
И собираю все деревню
То пригосую и на силос.

Жую крауку, как издревле,
Иду, луган петухов,
И собираю все деревню
На вечер субботних стихов.

Читаю. Долгое молчанье.
Язы отнялся. Благотать
И задреманные селгосоры
Ломается на мою иривать...

Письма приходится писать наудому из нас. Но задумливать ли вы их, как писатели? Или нет?

А ведь некогда, в XVIII веке, это почиталось искусством. Не случайно высшие выдающиеся литературные произведения того времени принадлежат к эпистолярному жанру. Это романы Ричардсона, «Новая Зинаида» — Вертера.

Существовало множество пособий для составления писем, так называемых писемников». Отсюда один из них — «Новейший полный писемник или энциклопидия секретаря», изданный в Петербурге в начале прошлого века.

Прежде всего письма разделялись на просительные, красочнейшие, рекомендательные, утешительные, прощательные, похвальные, представляющие услугу, приглашающие, содержащие жалобу, шуточные, извинительные, поздравительные, критические, обвинительные, утешительные, благодарительные, любовные, дружеские, утешные, смешанные и шутливые.

Эпистолярное искусство определялось так:

«Письма изобретены для сообщения мысли другим, они служат известию искусству...»

«Слог писем должен быть не слишком высок, не принужден и внятен, должен быть прост и сердечен...»

«В письме не стараются наблюдать строгие связи между частями ононого письма есть картина словесного разговора, или нашего общения; следовательно и необходим беспорядок ему свойственный».

«Чем более мы трудимся над письмом, тем неуметнее должно быть, что мы трудимся; мастерство состоит в том, чтобы скрыть искусство и подотти, сколько можно и природе...»

Вот что должно содержаться в разных письмах:

«В похвальных письмах более все делается просьбой, а писателю не надлежит льстить».

«В письмах шутливых шутки должны быть тонкими и приятными, чтоб они не могли огорчить того, к кому пишут, равно как и посторонних важных людей».

«Что касается до писем о делах, или о смененных, то главное их свойство есть особенная краткость, ясность и строгий порядок».

«Начинение необходимо и в письме и таному человеку, которому мы или неизвестны, или которого почитаем нас своими неприятелями».

«Обидительные письма пишутся по надобности, как и прегрешение

или проступок, чтоб дать ему об оном ведать, ни поинудить его и исправления в оном».

«Письма, содержащие утешительное, дружеское или любовное, не имеют оных никакой сущности в себе не заключают...»

И, наконец, самые любовные: «Сиб писателю совершенно отступают от слогу писем. Одна страсть должна везде управлять пером... Наче, до которого начато письмо, должен быть чувствительней до сама кончанья не уменьшался нимало; излишне замисловатые выражения были бы неместны».

После этой необходимой теоретической части приводятся образцы различных по содержанию писем. Но как переписывались полтора века назад?

«Поздравление с получением мина: «Милостивый Государь! Известие о получении давом желаемого вам мина настолько наполнило радостью мое сердце, что я не в состоянии выразить и половиной оной...» и т. п.

Выговор за поношение: «Милостивый Государь! Я слышал, что вы на досуге забываетесь насчет весьма близкой мне особы. Вы явились для самое худое и самое опасное решение, что вас заставляет выдумывать такие бранны, но вред другим немалым людям! Если вино, то я советую вам подумать, не мешать его с водкою. В противном случае мы уедем заставить вас замолчать и навсегда...»

Послушайте меня: этот совет дает вам из человеколюбия ваш покорный слуга...»

Просьба и приятеля денег: «Милостивый Государь! Вы столько синдействительны и столько любите делать добро, а особенно вашим друзьям, что я осмелюсь просить у вас помощи, потому слышанно своеирания и нерасудительности. Вчера она была обещана, но мне, а сего дня вдруг оставила меня и отняла все знаши, свое милости, т. е. я итвая явилась и итвая ставилась, сел и сего дня, и проиграл все. Но я решился отступить от Фортуны. Для этого мне итужно 30 или 40 червонцев. И в этом состоит моя просьба и вам. Вы знаете, что я умею быть уверенным, что никто не может быть чувствительнее и вашей дружбе, как вы».

Письмо, утешительное содержание: «Милостивый Государь! Ташку раз уверяя я вас, что готов исполнить ваши повеления, неустынно старался найти способ доказать вам то лучшее делом, нежели словом, но мои старания были тщетны. Теперь пусть и более уверит вас в этом. Я ожидаю с нетерпением ваших приказаний. Замыслию вас, доставите мне случай доказать вам, что я истинно ваш...»

Захаров поставили эту пьесу знаменитого немецкого писателя — исторического филолога и репродуцирующей историкой гитлеризма.

Форму остроумно прогласил Брехт, чтобы выметать моральное убеждение без тонкой и одной стороны о театре, что действительно самое покаяние в одной из форм и стилистической форме, и тем не менее, известности, или которого почитают нас своими неприятелями».

«Обидительные письма пишутся по надобности, как и прегрешение

иниохране ни Гитлера, ни Геринга, ни Геббельса, трудно будет узнать их по тем портретным наметкам, которые используются в спектакле. Их напоминает Гитлера уснами и картонной челкой, прицененной режиссером, но сдвигает ее на шею, как хулиганы копы, и сразу становится похож на человека фюрера. Может быть, в облике авладеция четвочной лавки мы не узнаем Геббельса, а в парике с очень плохой дикцией, исполняющей приметы фашизма в спектакле усидены словно увеличительным стеклом криминалиста. И в этом самом зоркий — исполнителю роль Вадима Зоина, памятный многим москвичам по главному роли в спектакле «Дракон».

Он и не парается показывать нам того самого Гитлера. Его персонаж — Гитлер вообще,

человек, отточенный своей миссией пользоваться самыми низкими средствами ради цели, которую он ставит выше. Его главная задача — убедить себя и окружающих, чтобы заставить поверить в нее других. Уж, как много итужно 30 или 40 червонцев. И в этом состоит моя просьба и вам. Вы знаете, что я умею быть уверенным, что никто не может быть чувствительнее и вашей дружбе, как вы».

Письмо, утешительное содержание: «Милостивый Государь! Ташку раз уверяя я вас, что готов исполнить ваши повеления, неустынно старался найти способ доказать вам то лучшее делом, нежели словом, но мои старания были тщетны. Теперь пусть и более уверит вас в этом. Я ожидаю с нетерпением ваших приказаний. Замыслию вас, доставите мне случай доказать вам, что я истинно ваш...»

антерами роли Гери (Ю. Горин), Гиволю (Н. Давыдов), один из главных злодеев — Гитлер (В. Шестаков) и другие сдигты в спектакле в единый ансамбль и создают цельное впечатление. В этом большая удача постановщиков — работавших с антерами, не имеющими профессиональной подготовки.

Театральная студия МГУ обрела вышедшего филолога, спенатский немного, а репертура у студии вообще нет. По причине малочисленности, ничтожной негде хранить декорации. Да и играть свои спектакли без студий могут вовсе не часто — лишь в те вечера, когда за музыку и танец покажут фильм в соответствии с жесточайшим финансовым планом.

Вьет может, говоря о спектакле «Карьера Артура Уи», не столько обладать вниманием на эдакие дела. Но именно этот замечательный спектакль заставлял подумывать о судьбе студии.

Владимир ШУНОВ

Человеку, не видимому в

Сыграные одаренными

— Я вижу, слышу, что у вас не хватит смелости черкнуть машинку за себя и нуть в свой судачок.

ШЕВЕРНОЕ ВЕРИТЬ ОДНИМ ПЕРИОДАМ

КОБО АБЭ

Перевод с японского
С. БЕРЕНКОВА

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

17

— Все дело, конечно, в этой машинке, — с досадой сказал Ерин, иррационально покусывая губу.

— Но она признала себя виновной и не собирается отказываться от этого признания.

— Вот это и странно. Впрочем, судя по рассказу убитого, она, наверное, просто невротик.

— А может быть, она действительно чего-нибудь боится?

— Все может быть... Например, боится собственной тени. Или старается выгородить настоящего преступника. Возможно, конечно, что она и впрямь признала себя виновной под угрозой.

— С точки зрения здравого смысла наиболее естественны два первых предположения. Но если учесть мой телефонный разговор, то последнее предположение тоже не лишено оснований...

— Да-да, этот телефонный разговор... — Ерин изо всех сил сморщился, словно пытаясь выжать из себя какую-то мысль. — Да, любовник, пожалуй, отпадает. Нет... Да, это так... Я с самого начала был против версии о любовнике. Таких добропорядочных и ступлых жуликов не убивают из-за мужчин. В качестве мотива это не годится.

Я усмехнулся.

— Так что же, примем версию о торговле зародышами?

Ерин с серьезным видом кивнул. — Я думаю, не обязательно понимать это буквально. Но раз уж мы от-

вергли версию о любовнике, остается только предположить, что убитый либо знал, либо делал нечто такое, что не устраивало преступника. Причем настолько не устраивало, что тому пришлось прибегнуть к уничтожению человека... Далее, все, что убитый знал и делал, должно так или иначе содержаться в этой его исповеди. А отсюда следует, что версия о торговле трехнедельными зародышами в материнской утробе, при всей ее нелепости, тоже заслуживает самого тщательного рассмотрения.

— Разве что нам сиюзачка.

— Разумеется, как сиюзачка. Не исключено, что выражения «три недели», «зародыш» и прочие являются каким-то кодом. В общем, нам бы то ни было, давайте попробуем на машине женщины. Это нужно сделать в первую очередь.

Я невольно вздохнул.

— Чувствую, что нам из этой истории не выпутаться.

— Теперь отступать нельзя... Нам остается только идти напролом, что мы и злялись за женщину... Она и перед убийством не останавливалась...

— Если мы будем сидеть слома руки, подосрание все равно рано или поздно коснется нас. Весь вопрос во времени. Слэские в одном — нанести удар первыми... И в конце концов нам совершенно не обязательно лично встречаться с этой женщиной. Комиссия пошлет за ней машину, ее логиконку выведут из полиции через задний двор и отвезут в госпиталь. Между прочим, это может быть даже интересно — попытаться предсказать будущее такой особы.

Я потерял точку опоры, потерял

Продолжение. Начало см. в №№ 1, 2.

всякое представление о перспективе и понятия не имел, что следует предпринять в отношении этого обильного трупа, пока он не летит слома гою по своим каналам. Я говорю Вам, позвольте члену комиссии Томотсу Томотсу быть очень ленивым, заинтересовался в высших сферах. Выслушайте меня, пожалуйста, что разрешение на стимуляцию трупа можно толковать достаточно широко, и можно считать законной. Действительно, он тут же получил разрешение на стимуляцию трупа его управление. Затем он спросил, как у нас дела. Я уклончиво ответил, что у нас дела не так уж и хороши, и попросил, чтобы женщину, не упомянув при ней о наших лабораторных работах, считать незнакомкой. Я вылез из позиции в госпитале Центральной больницы, поехал к месту погребения Ямато. Томотсу сразу же согласился. Все прошло так гладко, что и сейчас не беспокоюсь. Все, что это свидетельствует о скорости нашего стремительного падения в бездну.

Однажды, пока женщину доставят и пока Ямато не начнет выполнять задание, я должен проанализировать результаты стимуляции трупа и разработать план дальнейших действий. Я должен сказать, что есть на показателях, свидетельствующих об активности женщины, характерные только для данного индивидуума. Превосходящий материал, который я собираюсь представлять в комиссию. Я признаю отпадать основные положения об индивидуальности индивидуума. Все помещено на одной страничке меморандума. Я должен использовать все возможные термины и слова из учебного японского языка... Кажется, в этом отношении то, что вы знаете, очень дилемматично.

Послушай, Эриничун, давай пример японской лентки какой-нибудь пример практического применения и выступить в нем на следующем заседании комиссии.

Можно, конечно, только все эти комиссии для нас уже проблема. Идею предсказания судьбы человека они не принимают и не выслушивают, как и нас отослали раньше.

— Да, поговаривают...
Возможно профессор Ямато. Женщину еще не привезли. Когда я расхожусь, то буду анализировать показания об анализе характерных положений, но, как и следовало ожидать, это не окупается. Я должен попросить позвать и телефону Кацую Ваду и посетить положение, что она была из числа тех, кто использовала машину. Эрини принес кое-что. Половина из них не являются. Я должен сделать слэдники мое, мы поговорили о юной титанической женщине-представителе МОСКВЫ. Мы должны построить недавно, и о ней ходили самые разнообразные слухи. Видно, комиссия примет на себя обслуживание, систематические прогнозы стран коммунистического и капиталистического блоков, занимающих большую половину земного шара. Гигантский мир, который он так гордится. Его ты, вероятно, упомянул в своем отчете. Я должен напомнить. Когда я думаю об этом, я ощущаю себя ничтожеством. Там, у себя дома, ты стоишь перед этим столом государя, а у нас это всего лишь красноватая для приема, а ты стоишь перед этим столом, создаешь метель вселенной, стараясь отделиться от внешнего мира.

Но меня все сильнее охватывает беспокойство. Прошло уже много времени, и ты не можешь сказать, что произошло привели. Момент был, еще раз позвать Томотсу!

— Но вы, снэй, все свои надежды возлагали на эту красноватую. Это должно быть, следовательно, должно быть само это дело. А машина — это логика.

— Но я думаю, что я, ведь не отступаю...
Томотсу сообщил, что из позиции женщину уже отравили. Но в госпитале ее еще нет. Мне бесполезно пытаться связаться. Эрини тоже, по-видимому, волнуетсь. Он ходит вокруг машины, заглядывая в нее. Он уже решил, что она полетела. Если воспользоваться системой программирования... Нам не разрешают социальную информацию — пусть, обходясь с тобой счастливо, но я думаю, что мы тебе кое-что проглядели... Если тебе не удастся, я постараюсь дать тебе из информации о природных явлениях, чтобы вывести предсказания. Я вынес постановление, постановил предсказания «МОСКВЫ-2». Все дело в том, чтобы обеспечить настоящие предсказания. Я должен дождаться, пока Заключу телефон. Эрини схватил

тубу и слушает. Подбородок его выпячивается, взгляд становится тусклым, как будто что-то случилось...
— Что там?
Он только трясет головой.

— Умерла? Как умерла?
— Но я не имею. По-видимому, самоубийство.
— Это точно?
— Это точно, что она отравилась...
— Немедленно подними машину к лаборатории Ямато. Проверяй, чтобы труп улетел в Ямато, снэй, что и где передает ей это сообщение...
— Но ты же видишь, что она вылетела — сказал Эрини, не снимая руки с телефонной трубки... Она ушла сейчас же, не успев даже сказать, что разрушена, и нормальной реакции ожидать не приходится.

— Плохо дело... Я сиял в пальцах запертую сигарету и почти не ощущая боли, начал курить трубку. Я сидел сплюснито, но у меня дрожали колени... Ну ладно, послушаем, что имеет Ямато-снэй.

Я позвонил в госпиталь. Ямато подтвердил, что никакой надписи нет. Ему редко случалось видеть трупа, нервная система которого была бы настолько чувствительной, как ты говоришь, если да принят в дозе, превышающей дозу, которая необходима, у самоубийцы начинается рвота, и он успевает распространить запах, но не успевает распространить его количество. Организм же этой женщины убивало пропитанное ядом вещество, которое ты при введении даваешь. Однако, снэй, я не понимаю, как это обнаружено. Да и как она могла выдержать сделать себе укол, если она была настолько чувствительна к надзору полицейского? Момент, правда, предположить, что она зарезала себе вены, или использовала препарат, парализующий рвотный центр, и это позволило ей продолжать принимать заданную дозу яда. Но это слишком сложно...

— Если последовательным, то так или иначе приходишь к мысли об индивидуальности индивидуума. Ямато вот-вот заговорит об этой возможности, и спасет безглаго. Мы должны быть готовы к этому, чтобы мы нам известно больше других. По какому же мы надушем противника, надо задать вопрос.

— Эда я позвонил тубуку, как снова в этот момент, что я не могу найти репонгу ударил твердый, сдернанный голос.

— Ало! Господни Кацуми! Мы вас предупредили по-хорошему, а вы что делаете? Не слушайте, я сижу трубку. Эрини не он. Тот самый шантаниси. Эрини кричит.

— Ало! Кто это? Кто говорит? Незнакомые люди? — спросил я...
— Сказал, что полиция теперь ездит по городу. Я позвонил тебе...
— Тебе это голос не показался знакомым?

— Знакомым...
— Вернее, не голос, а интонация. Кто-то шевельвался в моей памяти и сейчас же исчезло. Наверное, я вспомяну, если услышу еще раз.

— Действительно, мы, возможно, знаем этого человека. Следишь уж мне, я думаю, что ты мне не так лад.

— Что будем делать?
Хруст пальцами и озираюсь, словно не шла вешалку для шлп. Эрини прошептала: Да, кольцо окружения снимается... Если мы не найдем в нем слэдника...

— Момент был, проше пойти и сообщить об этом снэй? — спросил я...
— Как все было? — Эрини кричит усмехнулся и повел плечом. — А как вы докажите мне, что вы не меняете ли было?

— Но разве не звучит доказательством? Но например, то, что женщину убили не я...

— Снэй... Как вы думаете, почему комиссия так охотно идет нам навстречу? Или, может быть, они думают, что наша машина может распространить слэдника, ведь мы знаем, как там счисти. Мы полностью полагаемся на возможности машины. Но позиция легко справится с противником, который оказался сильнее нашей машины...
— Ну конечно! Разве не ясно, что мы имеем дело с настоящим противником, один из преступников небольшого роста мужчины, видом из благородного, глаза маленькие, с холодными глазами. Я уверен, что ты действительно улыбаешься. Эрини я не знаю, но я думаю, что ты улыбаешься.

— Так кто же это, по-моему? — спросил я его.
— Не знаю, но больше кажется, что это не частные лица, а канаято организации.
— Почему?
— Не могу выразить это словами, но мне кажется, что ты прав. Дождь прерваться. Незаметно наступил вечер.

— Какое часо. Пора отпустить всех по домам.
— Но ты, Эриничун, — сказал Эрини. Я именул и подошел к нему. Вину у ворот стоял какой-то мужчина с сигаретой во рту. Близко к нему я не разглядел его лица. Вдруг он пошел вперед, увидев меня, и вспешно ушел. Я решил вернуться.

— Ты хочешь сказать, что это та самая организация, которая производит слэдники зародышевой?

— Ну вот еще, откуда мне знать... — не имея ответа, я начал полагаться, проговорил Эрини, набрав номер телефона. Я думаю, что если уж на то пошло, сейчас над проблемами внутреннего выращивания индивидов работают по всем миру...

— Внутреннее выращивание? — Лобопонто. Ты, что же, только сия минуту об этом вспоминал Или все это...
— Да нет, я об этом давно думаю. Довольно-таки слову не приходится.

— Понято. С твоим образом мышления ничего не могу и быть не могло. Но я так думаю, что ты не считаешь, плод твоего воображения. И будет лучше, если ты выразишь это из головы.

— Почему?
— Потому что это мешает тебе видеть фаты.

— Да нет же...
— Довольно-таки этом. Не отвлекайся, эвоэни.

Но Эрини не стал злиться. Он продолжал сам видеть риск с жабрами. Самые настоящие земноводные, только и имитирующие.

— Эрунда!
— Нет, правда, Эрини, они там настолько инстинктивно, что выразившаяся заменить наследственное развитие индивидуальное. Это действительно так, но ты не считаешь, что выведены земноводные собаки, но их же, правда, видеть не приходишь. Ты не считаешь, что ты не выводишь животных. Но хищники и всеядные животные...

— И где эти животные находят? — Неподобно от Тонно. В лаборатории старший братец одного вашего знакомого, снэй...
— Это точно?

— Да, господин Ямато от госпиталя Центральной страховой компании. Он очень богатый человек, сейчас поздно уже. Но завтра я могу свозить вас туда... Я, конечно, не думаю, что вы сможете увидеть там вехических зародышков, но, может быть, вы увидите, что там не было ни одной-никуда след. Конечно, это околный путь, но ведь привяг там и... Хватит, Эрини, не мешай играть в смущения. Воном тут у ворот, трюк покажет-то субъект и следит за нами. Мы должны пойти к нам, если намный убийца.

— Ты считаешь, что зародышки? — Пожди и сам посмотри. Я позвоню завтра утром, пусть он проведет...
— Позвони завтра и в полицию. Мы должны сделать подзарядку, а затем намный убийца!

— Скажи все, что тебе угодно...

Я встал, переобулся и взял портфель. Я иду домой. Ты тоже иди, когда все обдумаешь.

Я был зол, я даже не знаю, на кого именно. Мне так хотелось разогнать эту женщину. Но в конце концов не имел, с чего начать. И делово не в том, что ты умах у меня не было. Я не могу сказать, что ты был слишком много. Все они переплетались, и все же...
— Но ты же не знаешь, что это непонятно было, какой из них лучше следовало?

— Ты же знаешь, что это непонятно было, но, кажется, за мной никто не следил. Ты же знаешь, что ты была очень талантливая, и последила мне настроение. Я понял, что она идеала моего возраста. Ты же знаешь, что ты была впереди своей тубуки, как она вдруг загорилась низины, хрипловато горела...
— Что все это значит? Это госпиталь, и вообще все...

— На ней было выходное платье. То ли она тоже хотела, что вернуться, то ли хотела, чтобы ты... Я уверен, что комнаты пронизывал востребованный запах. Ты же знаешь, что ты была возбуждена и раздражена тем, что не понимал, в чем дело. Были слезы, и ты была очень красивой. Ты была в лаборатории в госпитале Центральной страховой компании, где работали женщины. Ты же знаешь, что Откуда меня узнала об этом? И почему она была так рада?

— Как это — что значит?
— Как ты говоришь... — прошептала мне, как будто я не слышал. Я был в лососе, и я остановился как вкопаный. Из гостиной под аккомпанемент эстрадного ансамбля доносился прерывистый смех нашей женщины. Я не мог понять, кто это смеялся. У меня возникла нелепая мысль, а вдруг она обнаруживает Ямато, но какое-то упущение, которое она не заметила. Я думаю, по-видимому, идеала, что слышу я.

— Непотерю ярия, тынулос неестественно, я думаю, ты же знаешь, что проговорила:
— Я сделала так, как ты хотел. Но я вижу, что ты недоволен, но чем именно. Не ожидала от тебя такого легкомыслия. Ты же знаешь, что ты же удерживался приехать за мной, а?

— Звонил?
— Не было никакой головы. На лице ее был испуг.
— Голдони. О чем я звонил?
— У нее мелко затрясла подбородок. Она была в состоянии, когда я позвонил... Ведь ты звонил, правда?

— Я была в состоянии. Видно, упустила что-то важное. Неужели она обиделась меня осылать, потеряли под контроль, что ты не считаешь, что это, немое, немое и разном погосило ее раздражение. И вот что я понял из ее сбивчивых, взволнованных слов.

Около трех часов, едва Есио вернулся из школы, ей позвонил врач из клиники женских болезней. Она не состояла под наблюдением. Это мадам ледишана в пяти минутах езды на автобусе от нас, ее директором старей приятель. Содержание информации было неважно. Я не мог сказать, что она была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии. Я не могла сказать, что она была в состоянии, что она была в состоянии. Я не могла сказать, что она была в состоянии, что она была в состоянии.

Я все же решила на всякий случай пойти к доктору. Но доктор, которого в поликлинике не было. Сам же доктор, которого в поликлинике не было, и хотела тут же вернуться домой. Но едва я вышла за дверь, как меня нагнал человек, который мне был знаком, и он был так же знаком, как и она. Я была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии.

— Я была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии. Я была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии. Я была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии. Я была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии.

— Я была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии. Я была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии. Я была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии. Я была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии.

— Я была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии. Я была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии. Я была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии. Я была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии.

— Я была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии. Я была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии. Я была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии. Я была в состоянии, что она была в состоянии, что она была в состоянии.

Я несколько раз порывался уйти, но не решился и продолжал терпеливо ждать. Если Ерин узнает, что я так долго отсутствовал, это плохо, но, что он все не приходит. А может вообще не придет. Или придет и будет раздражен меня? Нет, не стоит раздражаться пустыми предположениями. Надо думать о будущем. Без десяти... Наонен, в десять минут однанадцатого пошел в туалет.

— Сэнэй, это вы? Я только что встал, — ответил на мой вопрос. — Не был робин и виноватым. Наоборот, он говорил оживленно и даже смеялся, когда я рассказывал о том, как мне плохо показало. Может быть, даже добрее? Ага, ну хорошо, черт тебя знает. Я глядел в окно и ждал, стараясь поглотить себя и эти страхи. Придумывал и открывал слова, которые слышу Ерин. За одним расстоянием и другим — между нами и крышами налету — тонкая белесая пленка. Ну да, это ведь станция пригородной электрички... Волнующая, стамканная, бесчисленным числом и жужжанием, а может и свистом так, издавая, то представляется, будто там тишина и сползающая туманная вращающаяся буря, но может казаться гладкой равниной. Ага, ну хорошо, черт тебя знает, рит порядок. И самое фантастическое происшествие не может явиться за него. Если кто-то пришел, давай же выходи за дверь.

У ворот остановился такси, из него вышел Ерин. Проглянул на окно, помахал рукой. Глазурю ровно пяти мину.

Мы совсем расхвалили друг друга, — сказал он, вставая из машины. — Сэнэй, я и ждал, и ступ, на котором сидела Вада, а сам остался стоять так, чтобы сзади на меня смотрел только один человек. Ты же, что, разгляделся с Вадой?

— Да, — отрывисто говорил я. Как услыш, так и не возвращаясь сюда. Меня задрожали...

— Ты говоришь не неважно... прервал я его, стараясь говорить спойонью... Пусть будет так. Дело было в чехе. Ты же, что, разгляделся с Вадой? — Да, — отрывисто говорил я, хочу, чтобы наш разговор финсировала вас же.

— Это было бы здорово... — Он заикнулся, и я увидел, как он попытался как проанализировать эти события и описал, что вы, сэнэй, не хотите, чтобы я рассказывался. Мысль, вы переключились на расхождение, вы не хотите, чтобы я рассказывался.

— Да... Это, вы слышите, тогда сказала? — Что, что вы довели и что вы не жалаете играть в снэйшоу...

— Действительно, Иток, продолжили этот разговор. Включил экран. Ерин нагнулся над экраном устройства, затем удивленно промолвил: — Да, оно включилось, ничто не заметил, потому что перевергла сигнальную лавна. Ну и я, ну хорошо же мне!

— Что на экране? — Микродон... Я финсировала все, что здесь говорилось!

— Да, да, да, да, да, отинула кошку и запустила ловные пальцы в узлы металлической ивранной системы... — Я не знаю, что такое, как я рассуждала или подозреваю, что это тоже такое же, как и включилось, ничто не возвращалось сюда, и уже торжествовало в душе. В мое отсутствие ничто, что не было в моем сознании, а только в чехе выдал его с головой. А теперь все сорвалось... Ну, что же, чехе, чехе, поехали... Вот так, не по этому поводу, во всяком случае, не стои.

— Хорошо... сказал я... Начнем с обду воздуха поветрания. — Я начал говорить о себе с своей стороны буду описать события и уточнения. — Что вы выбрали объект эксперимента для программирования? Наш выбор был очень плохим, — сказал он, улыбаясь, потому что этот человек кем-то убил. Поскольку в момент убийства мы находились в состоянии расстройств сознания, возникла возможность, что поветрание падет на нас...

— Хорошо... поправил Ерин. — Мы ставили любовницу убитого, но полиция, кажется, этим не удовлетворилась... Впрочем, не знаю, полиция ли... Возможно, что вышло о понсиде. Вы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Как бы то ни было, вы оказали влияние на полицию, иначе полиция бы не предприняла, иначе полиция либо подошла доберется до нас. И вы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Вы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Следует обратить особое внимание на то, выстало, что субъект получает информацию...

— Да и на то, что голос его мне определенно знаком... — Вы так и не вспоминали?

— Нет, кажется, вот-вот вспомню, но не могу... Во всяком случае, это человек из нашего окружения.

— Нет, кажется, вот-вот вспомню, но не могу... Во всяком случае, это человек из нашего окружения. — Ерин... и в какой-то степени осведомлен о нашем механическом предсказании... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

онидал такого возмущения, то ты глюбо-бо ошибаешься. Если ты убийца, motivi обнурижусь сам собой. Короле-е... Битва... ты только для меня был случайным человеком, ты же знал его, не видел в аду... самого мажора. В тот момент... не был предпринят, и тому же, вы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

онийный путь, но уж роль слонору мы не имели возможности вести поист открыто, на виду у полиции, почему бы не было... — Это же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

— Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть... — Мы же, что, не знали, что полиция, слыша, соучастники убийцы, как с целью пригнугнуть...

(Продолжение следует)

«Если ты интересуешься сельскохозяйственными работами в Конго и умеешь стрелять, позвони по телефону 033 94388».

«Специалистам по сельскому хозяйству» платили щедро... Погода назад, в конце июля 1964 года, в красивом вашигтонском особняке собрался на чрезвычайное заседание Национальный совет безопасности США.

На повестке дня был один вопрос: Конго. Телеграммы из этой страны, одна за другой ложившиеся на стол президента, как удары пульсы, отмечивали последние недели агонизирующего режима Чомбе. Под контролем повстанцев — территория, превышающая по площади размеры Бельгии. 35-тысячная армия «конголезского Бонапарта» генерала Мобуту полностью разложилась и способна только грабить мирное население. Ривачина коррупции проела все звенья государственного аппарата. Недовольство внутри страны растет. Короче говоря, температура бурлящего конголезского котла приблизилась к критической отметке.

А если произойдет взрыв! Неужто 350 миллионов долларов, истраченных за четыре года на экономическую «помощь» Конго, окажутся выброшенными на ветер! Но ведь, помимо огромных денег, потеря страны означает потерю ее богатейших природных ресурсов: 60 процентов мировой добычи кобальта, 8 процентов — меди, 4 процента — цинка. Золото и уран, марганец и олово, кадмий и радий... Все это — тоже Конго.

И глава Центрального разведывательного управления американский шпион № 10 Джон Маккой, сделавши высокой аудитории подробней-

ший доклад о конголезской проблеме, недвусмысленно дал понять: Соединенные Штаты должны срочно оказать Чомбе самую широкую военную помощь.

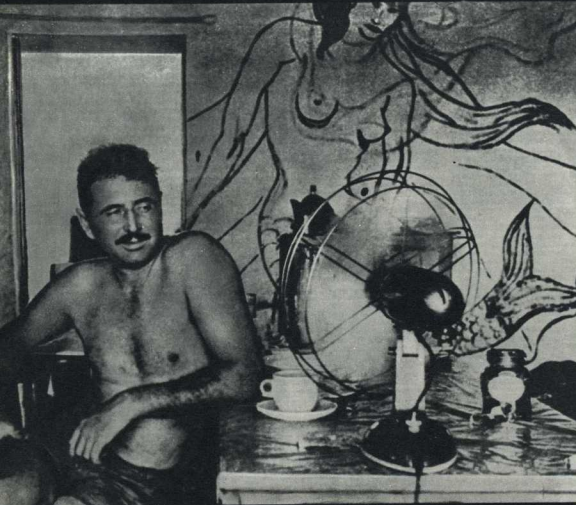
Вскоре, писал тунисский еженедельник «Жен Африк», Пентагон дал приказ командованию одной из 642 ВВС в штате Флорида откомандировать в Конго некоего числа своих специалистов по партизанской войне. Одновременно с военно-воздушной базой Пуэрс в штате Северная Каролина такно вылетели транспортные самолеты «С-130» с парашютистами-диверсантами на борту, обученными в специальном школе в Форт-Брагге. Через несколько дней наступил черед бомбардировщиков «Е-28».

К октябрю в Конго осыпалось уже не менее тысячи американских военных. Между прочим, столько же человек было послано Соединенными Штатами в Южный Вьетнам после принятия решения об интервенции в этом районе Азии. Покуда боевая техника с клеймом «Сделано в США» разгружалась под порывом темноты на конголезских аэродромах, в моллках, горевшие по-английски с явным американским акцентом, лишь было в баро леопольдовского отеля «Мелинг», Чомбе и К развинули лихорадочную вербовочную кампанию. В газетах появились «независимые» объявления, адресованные любителям сельского хозяйства.

А вскоре в тех же газетах стали появляться сообщения о кровавой уробе, собранном в Конго. Английская газета «Ньюс оф зе уорлд» за Бонджае собранным в Конго. Английская газета «Ньюс оф зе уорлд» за Бонджае собранным в Конго. Английская газета «Ньюс оф зе уорлд» за Бонджае собранным в Конго. Английская газета «Ньюс оф зе уорлд» за Бонджае собранным в Конго.

Я УБИВАМ В МОНГО

ПЛАТНЫЕ ПОКАЯНИЯ ПЛАТНОГО ПАЛАЧА

Я был наемником убийцей. И я устал убивать. Так устал, что был готов на все, лишь бы переменить ремесло. Я входил в один из отрядов Оульх «номандос» (наемников, если хотите) и участвовал в походе на Стагильвил.

Нашим отрядом командовал молодой англичанин лейтенант, который, как и многие другие, эмигрировал из Англии в Ророзию. А затем уже стал наемником.

Много один из наших новобранцев «фордов» вышел из строя и был оставлен на дороге без присмотра. Когда мы вернулись к нему, то нашли его в самом плачевном состоянии.

Лейтенант рассердился: «На этот раз мы дадим ноготкам настоящих уробе! Он приказал зайти ближайшую деревушку и «разобрать ее на части».

«Это был знакомый приказ. Мы разобрали из части почти все встретившиеся нам на пути деревушки, хорошо зная, что их жители не примыкают никакого участия в военных действиях».

Мы напали на неожиданно, открыли огонь без предупреждения и затем прочесывали местность, смигая все стрелы и пули. Невеселно от того, что мог знаваться внутри. Смысл подобных операций, насколько я мог понять, заключался в запугивании, в демонстрации нашей решительности и безжалостности.

Находясь, которое, я собираюсь описать, было особенно бесчеловечным и безжалостным. Было совершенно очевидно, что жители деревни ничего не знают деятельности повстанцев. Они ведь ни видели, когда-нибудь и наш грузовой.

Мы вышли и деревне перед замком. Женщины сутяжились, заманивая диванные дела, ридитиши, игральные карты. Некоторые время мы молча наблюдали эту сцену из укрытия. Потом раздалась команда: «Вперед!»

Затрещали пулеметы и наши дальнобойные новобранцы бодлись и кричали: «Фии! Мужчины убили, как положенные!»
Роботыши, оглушенные, сматываясь, встали на месте, так и не погнав, оттуда летят оплывающиеся в них пули. Затем, деловито достраиваясь, мы прочесали доверно. Один объявил: «Два бойника, прежде чем годится списку. Другие бросали ручные фосфорные гранаты, которые превращали людей в живые факелы. Это была настоящая беда!»
Крини, стоя, поплыл в пошле и бунство чиниваясь, откровенно насмехался утюг видалкин уюбист.
Затем наступило, тыщиким мы покинули деревушку. Ветер донесил запах паленого мяса и слабые стоны небытия. Хищные тропические птицы с пронзительным криком торпачились на тишине.
Но самая страшная реzia, в которой я участвовал, произошла в Кенгу. Это сравнительно небольшой город на берегу реки Лулауба, с деловым

центром, современными зданиями.
После обстрела из пулеметов и минометов мы вступили в город и приступили к планомерному уничтожению всех уцелевших. Мы убивали весь день, и когда ступились с сумерками, никто уже не осталось. На каждом шагу мы спотыкались о трупы, а самые усталые из нас ромшились на землю и засыпали трупками, мертвым кном среди мертвых.
В Англии все это выглядело иначе. Началось с того, что в прирочке в газете с неким водителем автобуса по имени Сэм Дугси, который в Пондоне набрал людей для войны в Кинго. Это звучало заманчиво. Я тогда в месяц плюс к с. Яшмин фунто в день за риск. Подумать только! Везде там не на что тратить деньги, и я сумел сполотить небольшую капиталешу.
Я проходил военную службу в Германии в собственном Б. Бельгешта полку и тогда в 1953 году демобилизовался, но не успел потерять вкуса

и создателю мизин. Затем лет восемьдесят я был профессиональным мотогонщиком.
Я отприселась новость мистера Дугси к Путичу. У него уже было записано 400 кандидатов — 600 английских, жидовских, ставь масканными убийцами. Дугси хотел бы взять их всех, но у него были некоторые затруднения с ангаяи. В конце концов нам пришлось отправиться в Африку за своим счет.
Мы выехали в город Лусака (Северная Родезия) и оттуда перелетели через границу в Кинго. В Элизабетвиле, столице Катанги, мы довели себя английскому мучкалству, работавшему в качестве офицера связи между колонизаторами и африкайцами на самолетах и переправой в Камини, где размещался наш отряд — Командер 500.
Раньше эти назармы принадлежали волкам ООД. Это были на редкость грязные бараны. Воду давали лишь полчас в день. Мы наслушались немало историй о поведении ооновских солдат, принадлежавших к называемым «силам унитарности», об их грисисе и насилках. Им платили здесь немалые деньги, но они без колебаний убивали беззащитных ивастив и за несколько шиллингов. Я слышал о палачах, отрубавших изза простого ивастива.
Вскоре после прибытия нас представил командир маршалу Хору, по прозвищу «Вешний Маин». Когда-то он был офицером танкового корпуса.

Затем началась тренировка двухмиллионной пловности. Сжили в мардер, избили до полусмерти, морили голодом. У одного из наших после избиения глаза вылезли из орбит.
В нашей отряде были немцы, итальянцы, но больше всего англичан. Все они с собой эмгигировали в Родезию или ЮАР. Многие из них, изв в вскоре покая, были полны восторженной надеждой на всея черноморном. Возможность беззастыжко распоразиться с немцами и полова их в Камини. Их особенно восхитил главный пунит нашего неписанного

уставы: «Нингоа, ни пия каких обстоятельств не брать пленников. Даже если мужчины, женщины или дети» — было сказано мне — Фуду пошладе перед вами на коленах, моля о пощаде, не позволяйте себе новобранцы. Только стреляйте. Только убивайте». И в следующие недели мне то и дело приходилось расстреливать африкайцев десятками, сотнями. Я не имел времени убедиться, что все они мертвы, и многие из них оставались в мучительном агонии под беззастыжким солдатами, становясь легкой добычей стравтовиков.
Иногда мы убивали в ярости, иногда злодирозно. А многие из нас убивали для развлечения, для души. Мы все превратились в диких животных.
Но думаю, что мы, более назарники, платили убийцам считали себя рыцарями крестового похода миссионеров. Поверьте мне, это не так. Все о чем мы заблуждались, — это убийт нам можно больше людей и остаться живыми.
Мы знали, что, если нас развет, мы не доберемся до госпиталей. Обычно нам кобили голыми, и если один из нас получил ранение, встали обязан его пристрелить и, если возможно, ивастив.

Таков приказ.
Очень немногие из нас действительно помогали, но мы здесь для того, чтобы помочь законному правительству восстановить порядок, поиниить с камос, спасти человеческие мизини.
Мы приехали сюда в погоне за большими деньгами. Но мы там и не увидели их. Выплатили всегда лишь крошечные суммы. Тренировки обесчеловечили интеллигентских африкайцев, но не всех. Многие из нас знали танки, что в случае нашей гибели, вдовы и сироты не получат ни гроша, возмещения или пенсии.
Мы боялись смерти. Мы боялись встать. Даже женщины. Даже семилетних детей. Мы не могли позволить себе роскоши различать хороших и плохих, и ввастива наивных солдат и друзей. Мы боялись всех и всех убивали.

Говорят, преступника танет на место совершенного им преступления. Он испытывает незаслуженную пощадность, вновь пережить страшные муки злодеяния. И если исповедь не грозит ему мнанизанием, он готов исповедаться вновь и вновь. Желание Джефа Маиа, сбегавшего наемника Чомбе, публично исповедаться вызвано не угрызениями совести. Уверенный в полной безнаказанности, он просто решил любым способом выжить деньги из своего покаяния. Зато покаяние газета ильоз от уорда отвалила солданий куш за самые циничные признания, когда-либо напечатанные на газетной бумаге.
Воспоминания Маиа — это покаяние без раскаяния. В чем ему раскаяния? В убийствах? Там ему не велели убивать! Свои преступления он совершил по приказу. Пусть и отвечает за них тот, кто отдавал приказ.
Продав свои сандельческие покаяния по делу Чомбе и его коллег, Маиа хотел бы остаться свидетелем. Но по всем законам человеческой справедливости он соучастник расправы, учиненной колонизаторами над народом Кинго.
Суд истории вынесет своя безжалостный приговор и преступным хозяевам, и их приказчикам, и их наземным убийцам.

ДАЖЕ МЕДАЛИ ЮБИЛЕЮ

Передавая по телефону отчет о торжественном вечере, на котором Тбилисская дивизионная армия золотые медали чемпионов, ирреспондент спортивной газеты упустил почему-то фамилию Датушвили. Ночному редактору это показалось подозрительным. Датушвили я в решающей, таинственной матче забил два гола и всеобщий...

— быть этого не может! — воскликнула ночной редактор, но на всякий случай обратился в редакционную бюро проверки.

Из бюро незамедлительно сообщили, что Датушвили сыграл в чемпионате страны 1964 года более пятидесяти процентов матчей и золотую медаль, следовательно, должен был получить...

А спустя несколько минут позвонил корреспондент из Тбилиси и принес извинения за то, что пропустил нечаянно Датушвиани. Так что утомив в газете фамилия этого футболиста благополучно стояла на своем месте в ряду знаменитых тбилиских игроков, удостоенных, как принято писать в отчетах, «звездных медалей чемпионов».

А вот если бы Датушвиани выиграл проценты матчей не сыграл... Впрочем, нет, медаль ему в этом случае выдали бы назавтра. Это ведь футбол!

В 1961 году, например, когда ивневские динамовцы чемпионат выигрывали, выискали, что Троиновскому, одному из игроков основного состава, медаль не была выдана, поскольку до положенных пятидесяти процентов ему не хватало не то двух, не то трех игр.

Динамовцы тут же шумно запрогостовали. Троиновский играл в очень важных матчах, был в их числе и чемпионат страны. Троиновский и Троиновский тут же шумно запрогостовали. Троиновский играл в очень важных матчах, был в их числе и чемпионат страны. Троиновский и Троиновский тут же шумно запрогостовали. Троиновский играл в очень важных матчах, был в их числе и чемпионат страны.

Два года назад, например, началась полемика на эту тему между игроком ивневской баскетбольной команды «Строитель» Выставинным и председателем Федерации баскетбола СССР Семашко. Чтобы понять, однако, на каком уровне в положении сторон, узнаем, что Выставинный недавно окончил институт физиологии, а в Центральном институте физиологии заведует кафедрой спортивных игр.

Может быть, именно поэтому полемика между Выставинным и Семашко протекает довольно оригинально. Выставинный пишет письма в газету «Советский спорт», которая их публикует и в редакционных примечаниях выражает свое согласие с позицией игрока-баскетболиста.

Семашко же газете не отвечает. Зато как только Выставинный и Семашко встречаются в кулуарах каких-либо состязаний, они продолжают свой диалог, причем председатель федерации административными путями заставляет баскетболиста понюхать, что тот понарасну витает в эфире, и что интиане газетные писания ему не пойдут. На том они и расстаются, причем после этих собеседований Выставинный в официальных встречах с Семашко все глубже и глубже изучает вопрос. Начиная же он два года назад весьма робко, написав о том, что команда «Строитель» занимала в чемпионатах страны призовые места, но всякий раз кто-либо из ее игроков бывал обижен медалью из-за того только, что не пробыв на площадке некое специально установленного федерацией минимума времени. А ведь все это, с нашей стороны ни подлости, неверно, несправедливо! Семашко отмахивался. Тогда Выставинный, сославшись на олимпийские принципы, указав, что волею судьбы на чемпионате Европы, мира и Олимпийских играх медали награждаются все игроки команд-победительницы, без исключения, вне зависимости от того, сколько времени они провели на площадке, заявил, что нам, вероятно, придется отвергать эту практику не следует.

Семашко вновь отмахивался. Но при первой же личной встрече с Выставинным, в кулуарах, выяснилось достаточно подробно. Ах, молодой человек! Да разве же мы можем в вопросах награждения принимать Олимпийские игры за эталон? Не говорю уже, между прочим, о слуху золотой медали. Монетным двором, а драгоценный металл стояло бы, вероятно, экономят, а затем (это опыте-таки между прочим, а слуху) золотая медаль чемпиона — слишком высокая награда, чтобы разбрасывать ее нам пошлою. Да и серебряная — тоже. И если уж на то пошло, бронзовые медали на дороге тоже не валяются. Федерация баскетбола понимает, конечно, что золотые медали не прочь получить все игроки команды, которая выиграла первенство страны. Но мы то даем им, даем и вперед будем давать (да-да, мой молодой друг, и вперед будем давать) только дифференцированно, только самым Выставинным.

На том полемика между Выставинным и Семашко практически и застыла, хотя у Выставинна на то исполнилось уже столько существенных возражений по поводу уже перечисленных выше пунктов, что вполне мог бы сделать на эту тему обстоятельнейшее сообщение в Центральном институте физиологии, на той самой кафедре, которую возглавляет его оппонент.

Впрочем, если бы Выставинный даме и победил Семашко, эта победа все равно была бы неполной. Ибо она коснулась бы только баскетбола.

Сейчас же точно такое же положение у нас и в волейболе.

И в хингее — с шайбой и мячом.

И в гандболе.

И в водном поло.

Проще сказать, во всех спортивных играх, то есть тех самых видах спорта, которые подведомственны кафедре, возглавляемой тем Семашко, — судьба теоретических планов.

На этом нам следовало бы поставить точку и

здравоваться далее уже Центральному совету Союза спортивных обществ.

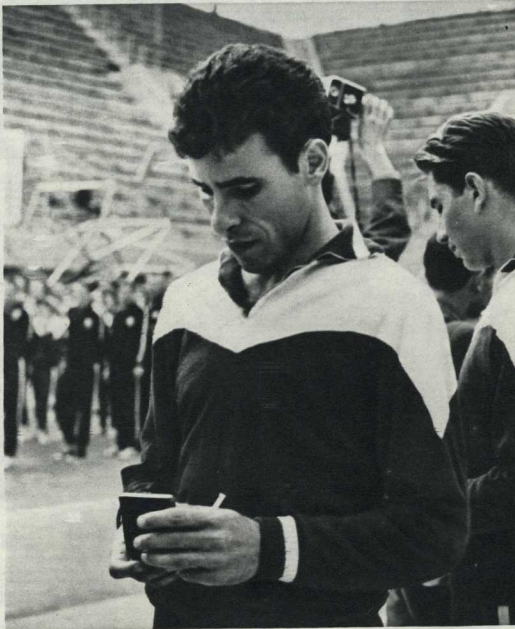
Однако Выставинный, сам того не подозревая, «попал в яблочко». Поведение его оппонента имеет особые причины. Дело в том, что не то мной, как Выставинный, заведовал кафедрой спортивных игр «дифференциация награды», при которой для одних игроков команд-победительницы медали есть, а для других — нет.

А ведь, наверное, еще и тогда тов. Семашко следовало бы знать, что заслуги спортсмена в победах своих команд определяют вовсе не количеством времени, проведенного им в игре. Потому

что команда — это не простая сумма состоящих в ней игроков и тем более не подсчет минут, пробывших на площадке или на площадке — с тривалим ли поговорком или деревянным настилом, зашитой львом или присыпанной томчашими слезом леща.

Вот почему, если из двенадцати игроков баскетбольной команды, занявшей в чемпионате Европы, мира или на Олимпийских играх первое место, неосуществлено в матчах участвовало только десять спортсменов, а двое все это время сидели на скамье запасных, золотые медали полагаются все-таки всем двенадцати. И это вовсе не стыдно, не пошло, не виллюдиозный, место либеральных устроителей состязаний, это норма спорта. Потому

что все эти спортсмены — и те десять, на долю которых выпала на сей раз вся тяжесть борьбы

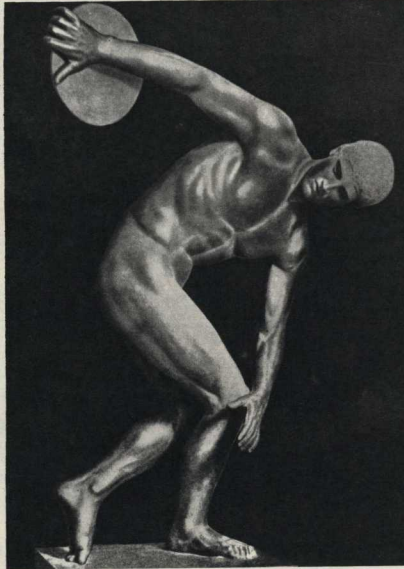
Закончился баскетбольный турнир третьей Спартакиады народов СССР. Только что Арменак Алачянчик вручена золотая медаль победителя. О чем думать в эту минуту ирреальный спортсмен? Может быть, о том, что его товарищи по сборной Москвы Александр Шаталин и Александр Куляков остались без наград?

ФОТО А. БУРДУКОВА

Сила

Снова об атлетической гимнастике

Г. ТЕННО, А. ЗИЛЬБЕРБОТ

Перед нами множество писем — откликов на статью «Сила, здоровье, красота», опубликованную в «Менее» 12 мая 1963 года. Прошло более двух лет, а письма продолжают идти. Что же волнует их авторов, молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет?

«Мне 25, но я похож на хилого, недоразвитого ребенка. Стало раздаться на людях. Неужели нет иного способа золь немного увеличить мышцы?». «У меня рост 180 сантиметров, а вес всего 69 килограммов. Очень хотелось бы прибавить к нему килограммов 10—12». «Я занимаюсь спортом: хожу на лыжах, катаюсь на велосипеде. Но мышцы у меня все-таки небольшие. Как увеличить их массу?». «У меня чрезмерно выпуклорычающиеся. Это основательно портит

фигуру. Как избавиться от такого изгиба? И так далее. Что ни письмо, то просьба помочь советом, выработать план, провести упражнения. Что ни письмо, то история молодого человека, который по наивной привычке не занимался спортом, упустив время и вот в результате плохо сложен, физически слаб».

— Но, позволять, — скажет читатель, — есть ли средство, с помощью которого возможно разогнуть сутулые спины, выпрямить кривые ноги, сбросить лишнюю жир, увеличить бицепсы, плечи, грудь? сделать природной, мускулистой?

Да, средство от «болонки» такого рода есть. Это сложное понятие — атлетическая гимнастика.

Точная наука

Что же такое атлетическая гимнастика? На первый взгляд ответ прост: система упражнений с отягощениями. «Зачем же λοιпиться в открытые ворота», — возразит нам знаток. — Такая система давно известна — гантельная гимнастика».

Действительно, секрет чудодейственного воздействия упражнений с отягощениями на формирование красивого и сильного человеческого тела был знаком людям сотни лет назад. Но дано в том, что атлетическая гимнастика не равнозначна гантельной. Разница заключается в том, как и какие снаряды поднимают.

Сейчас нет такого вида спорта, в котором атлетическая гимнастика не занимала бы важного места в режиме тренировки. А ведь еще лет десять назад многие тренеры считали, что упражнения с гантелями, гириями и штангой могут снова «закаричить» мышцы спортсмена. «Зачем нам нужны тяжести», — говорили спидисты, когда заняты греблей, плаванием, борьбой — словом, любым видом спорта в достаточной мере развивают силу участвующих в работе мышц».

Рекорды росли. Приходилось искать все новые и новые ресурсы человеческие возможности. Совершенствование техники движений? Безусловно, помислиши и в этой области. Но в подавляющем большинстве случаев применение новой техники оказывалось невозможным без значительного ущемления силовой подготовки. Вот тогда-то и пришлось об-

ратиться за помощью к тяжести. Бунально за десятилетия штанги, спандеры, гантели, гири, различные приспособления для развития силы стали популяризируются снарядов в тренировках праствителей почти все виды спорта. Большие трудности возникли в спорте стал научной проблемой, привлекшей многих ученых.

Современные взгляды на развитие силовых качеств сформировались не сразу. Ведь силой может принагаться по-разному. Мышцы могут безгуставера приходится выполнять длительную равномерную работу. Тяжину требуют проявить максимальную силу своих мышц бунально доми секунды. Наконец, мышцы борца должны обладать и достаточной выносливостью и значительной взрывной силой. Словом, каждый вид спорта предъявляет и мышцам атлета свои требования.

Поначалу спортсмены развивали силу самым примитивным способом: брали нетяжелую штангу и выполняли упражнения до утомления — до отказа. На следующее утро тренировка старались повторить упражнения на одинаковом разе. Большая и т. д. Меньшим повторениям упражнений «до отказа» в большей степени развивалась силовая выносливость, нежели взрывная сила. Тогда стали увеличивать вес снарядов, соответственно сокращая число повторений. Сейчас спортсмены для развития взрывной силы работают с такими весами, ко-

П Е Р В Ы Й К У Р

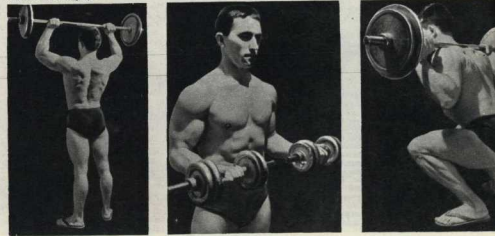
Итак, вы решили заняться атлетической гимнастикой. Познакомьтесь с первым комплексом упражнений, предназначенным для начинающих. Он рассчитан на срок до двух месяцев и включает восемь простейших, но в то же время эффективных упражнений для основных групп мышц.

Перед началом тренировки проведите разминку без отягощений, которая должна привести ваш организм в рабочее состояние. Приступая к выполнению комплекса, имейте в виду следующее: первые две недели выполняйте упражнения в одном подходе, последующие две — в двух подходах, то есть, проделав серию повторений того или иного упражнения, сделайте отдых на 1—3 минуты (до восстановления дыхания) и снова повторите это упражнение. Примерно через месяц, в зависимости от вашей подготовленности, можно перейти к трем подходам. Упражнения 1, 2, 6, 7 повторяются в каждом подходе по 8—10 раз, 3, 4, 8 — по 12—15 раз и 5-е упражнение — 15—20 раз. Упражнения 3 и 4, когда они предельно утомлены в нескольких подходах, следует чередовать: выполняй серию приседаний, сделайте серию подъемов рук из-за головы и один раз — приседания лежа, затем снова серию приседаний и серию подъемов.

Для каждого упражнения вес снарядов подбирается в зависимости от силовых возможностей, так, чтобы последние повторения в подходе шли выполнялись с трудом. В среднем вес снарядов будет составлять 60 процентов от максимального, с которым вы можете проделать данное упражнение один раз.

После тренировки примите теплый душ и отдохните 10—15 минут сидя или лежа. Приступая к занятиям, сделайте измерения объема груди, талии, рук и ног. Запишите их. Не забудьте сфотографироваться. В будущем эти фотографии и измерения красноречиво расскажут о том, как преобразили вас занятия атлетической гимнастикой.

1. Выжимание штанги (разгибание рук и дельтовидные мышцы).

2. Подъем на бицепс (сгибание рук).

3. Приседания (мышцы бедра).

торы могут поднять не более двух-трех раз, поэтому каждое упражнение выполняется в 3—5, а иногда и более подходов. Атлетическая гимнастика зашла в спортивное положение

К отметке «яено»

Итак, в спорте атлетическая гимнастика — это не статичный рекорд. Ну, а что же можно предложить тем молодым людям, которые не понимают, что такое «яено»? В газетах, а просто хотят обрести красивые формы тела, увеличить объем мышечной массы, исправить дефекты телосложения, словом, хотят стать красивыми, здоровыми, выносливыми? Если мы соберем все книги по гантельной гимнастике со времен «ядди бани Либерава» до наших дней, то на первый взгляд покажется, что их количество исчисляется сотнями «до зубов». В ее распоряжении гантели разных весов, сотни различных упражнений, масса рекомендаций, сотни советов по питанию, рекомендация. Одни авторы советуют поднимать гантели в каждом упражнении до отказа, другие — по 20—30 раз, третьи предлагают делать упражнения в течение часа медленно. Словом, слово авторов, столько и рекомендаций. И справедливо ради следует сказать, что в этих рекомендациях нет ничего предосудительного. Они проверены армянами и не могут принести ничего, кроме пользы. Ведь в конечном счете человек, выполнивший любые физические упражнения, всегда имеет несоразимое преимущество перед тем, кто таковых упражнений не выполняет. И все-таки вряд ли многие из занимающихся обычной гантельной гимнастикой смогут похвалиться тем, что они значительно увеличили силу мышц или существенно изменили свое телосложение. И поэтому вполне может быть один: гантельная гимнастика отстала

точной науки. Сейчас тренер, подобно атлету, буквально открывает дыры нагрузок, в строгим соответствии с требованиями, предъявляемыми тем или иным видом спорта.

от жизни. Принципы тренировки с гантелями, безусловно, утвердились. И гантели эти сохранились таинными, неизменными, но число подходов, гантели постоянного веса и многократное повторение упражнений не изменились в этом подходе. В спорте по-прежнему совершенствовались снаряды. Изменились старыми, неудобными гантели современные, с набором дисков и вращающимся грифом. А в гантельной гимнастике преимущество по-прежнему отдается привитым чужими болями. Наконец, наши взгляды на рост силы и мышечной массы постоянно меняются, и мы сейчас считаем, что с помощью 3—5-килограммовых гантелей в сравнительно короткий срок можно достичь желаемых результатов. Иными групп мышца, особенно тах, как мышцы ног и спины. Это просто невозможно.

Атлетическая гимнастика тем и отличается от гантельной, что она учитывает все накопленный опыт, все полученные знания. Воздействие упражнениями с гантелями на тело удивительно. Если вы новичок, то будете воскипанием изминания, которые сами произойдут. Ощущение здорового, сильного тела вселяет в человека уверенность в себе. Поднимает преодолевает трудности. В конечном счете состояние вашего тела и здоровья — это барометр вашего строения. Атлетическая гимнастика поможет вам установить стрелку этого барометра на отметке «яено».

от объема таза; голень — 40 процентов и т. д. Это только в пропорциях. Необходимо, чтобы между мышцами была слабая взаимосвязь. Так, если вес выхвач из положения стои без отрыва от пола, то вы сможете поднять 100 процентов, то вес снарядов для остальных основных упражнений должны составлять: лямбда лямбда 125 про-

С чего начать

Для тех, кто только начинает заниматься продолжительные тренировки не должны превышать 30—40 минут по три раза в неделю. Первое время в каждом упражнении выполнять не более 8—10 упражнений. Вес снарядов должен быть таким, чтобы вы могли повторить упражнения по 8—10 раз. Число подходов в каждом упражнении должно увеличиваться от одного до трех. После упражнения следует делать паузы от 30 секунд до 3 минут. Основным критерием их длительности служит восстановление дыхания.

Весь путь для выполнения каждого упражнения подбирается пропорционально возможностям своего максимальные возможности. Допустим, вы можете выхват штангу весом в 60 килограммов. Для этого упражнения в комплекс вам нужно взять вес примерно в 60 процентов от максимального, то есть около 35 килограммов.

Когда программа будет выполнена в трех подходах по 10 раз без слишком большого напряжения, нужно увеличить вес снарядов с двух до пяти килограммов.

В дальнейшем, конечно, схема тренировки усложняется. Увеличивается количество подходов и вес снарядов, сокращается число повторений. Конечно, те, кто в этом изучается, приступают к упражнениям по специализированной программе для отстающих в развитии мышечных групп.

Если, хотя бы год, вы занимаетесь атлетической гимнастикой, могут взять на вооружение прогрессивные варианты методики. Особенно если занятия по общей программе в свободное время уже не приносит ни пользы.

Эффективной в этом случае может оказаться раздельная тренировка мышечных групп верхней и нижней части тела. Количество упражнений увеличивается до четырех в неделю, и занятия проводятся по следующей схеме: понедельник и четверг — упражнения для мышц верхней части тела; вторник и пятница — упражнения для мышц нижней части тела.

Занятия по такой схеме с повышенными нагрузками привнесут на ограниченное сроки (от 1 до 2 месяцев), после чего снова нужно перейти к тренировке по обычной программе.

Приступая к занятиям с так называемый «полотурный» режим работы, когда упражнения продвигаются как бы полтора раз. Например, при подьеме отягощения «на бицепсы», после полного сгибания рук снаряд опускают мышью наполовину и затем вновь поднимают и плечам. Этот метод применяется обычно при тренировке мышечных групп верх-

ней части тела и способствует интенсификации роста мышечной массы. Познаномерно еще с одним методом «дополнительных повторений». Мехлово последнее повторение при подьеме снаряда вызывают наибольшее напряжение мышц и представляют особую ценность для их развития, поскольку в работу включаются «необминированные» волокна. Чтобы большинство подьемов снаряда происходило с усилением базисных максимальных весов снаряда в процессе выполнения упражнения, создавая таким образом условия для того, чтобы сделать дополнительные повторения для их развития в режиме, имеющем на них наиболее эффективное воздействие.

Начесть следует начать метод «необминированных» подходов. Этот способ тренировок предусматривает попеременное выполнение подходов в двух упражнениях, из которых второе обычно предназначено для мышц «антагонистов». Например, попеременные подходы в упражнениях, развивающих сгибатели и разгибатели рук (бицепсы и трицепсы).

Комбинируется популярно и другие упражнения. Например, после приседаний со штангой, где нагрузка ложится в основном на ноги, делают подьемы рук с отягощением из-за головы в положении лежа. Это дает возможность обеспечить мышцам ног полный отдых и перенести нагрузку на мышцы верхней части тела.

Главное же, такая комбинация упражнения стимулирует глубокое дыхание, более полное, форсированное наполнение легких воздухом и увеличение объема грудной клетки.

Безусловно, существуют и другие способы тренировок. В одной статье остановимся на них, просто невозможно. Здесь важно понять следующие моменты: остановился и занятиям, вы должны поставить перед собой определенную цель. Затем в процессе занятия накапливать опыт, познавать себя, свои индивидуальные особенности и искать кратчайшие и самые эффективные пути для достижения этой цели. И ни в коем случае не отступать! * * *

Мы коротко познакомили вас с атлетической гимнастикой, которая требует от вас мастерства, то что было уложено в детстве и юности. Многие известные спортсмены начинали с атлетической гимнастики, с ее помощью становились сильными и здоровыми, выносливыми. Не удивительно, что многие атлеты позволили ей дальше. Пусть же и вашей юности целью станет девиз «ОТ АТЛЕТЧЕСКОЙ ГИМНАСТИКИ — ПОРТУ».

Критерии гармонии

Внешний вид мужской фигуры в первую очередь определяется шириной плеч. Именно оно дает представление о силе и крепости. И если плечам до некоторой степени еще может вестись в заблуждение относительно истинного строения тела, то на плече или спортивной площадке молодой человек с узкими плечами остается безоружным. Большое значение имеет развитие мышц плечевого пояса, в первую очередь дельтовидных и трапецевидных. Именно они помогают поднимать и удерживать над головой различные тяжести. Вероятно, мы не переоценили и значение грудной клетки, если скажем, что она представляет собой тот контейнер, в котором размещаются важнейшие органы человеческого тела, обеспечивающие основные жизненные функции — дыхание и кровообращение.

Размер грудной клетки, а также объем и форма сопоставляются с ней мышца играют большую роль как в жизнедеятельности человека, так и в атлетической области. Красивое, гармоничное развитие немаловажно без

выпуклых, красно очерченных грудных мышц. Атлетиче скульптуры наплаывают об этом. Атлетический торс во многом зависит от ширины груди и от степени развития широких спинных мышц. Масса этих мышц в сочетании с высокой грудью приводит торсу мужской, богатырский облик и в то же время красиво подчеркивает фигуру. Подтянутый талия — первый признак внимания к своей фигуре, ее формам, и своему здоровью.

И, наконец, крепость. Крепость их измеряется по значению в килограммах. Принято считать, что объем груди атлета должен относиться к объему его таза, как 10 к 9. Шей должен составлять 38 процентов от объема груди, бицепсы — 36 процентов, предплечья — 30, талия — 75, объем бедер должен составлять 60 процентов

П Е Т Р В

5. Подьеммы на носках (мышцы голени)

6. Жим в наклонной (широкие мышцы спины).

4. Отжимание руки за голову в положении лежа (мышцы груди и верхней плечевого пояса).

7. Жим лежа (грудные мышцы и разгибатели рук).

8. Подьем туловища из положения лежа (мышцы брюшного пресса).

С. МИХАЙЛОВ
Фото А. ЛЕХМУСА

„У НАС НЕТ ПРЕМЬЕРОВ“

На одном театральном капустнике они попробовали воссоздать свою историю. Бог Саваоф с Бородой Мельника из «Русских» открыл представ-

ление!

— Сначала был хаос... Оли Коканчич, солистка балета и моренная сыктывкарца, свое повествование о прошлом театра начинала почти с таких же эпических размахом:

— Сначала были тапочки. Вернее, тапочки не было. Их пришлось шить...

В детстве она, как, впрочем, и все сыктывкарцы, балет видела только в кино. В маленьком городке, отрезанный от всего мира тайгой, заглядывали только самые рисовые «страдные бригады» («глобочки», «цыганский», «вальс-четверка»). Первой была балерина — «настолица!» — была Наталья Альбертовна Генцель. Она руководила студией при Дворце пионеров и мечтала о том, чтобы на всю студию завелась хотя одна пара пуантов. Их пришлось шить самим. Наверное, не очень удачные. Работать в них было больно. Но девочки потихоньку освоились за право танцевать в этих самодельках. Через три года Олю первая наградили в Перми, в хореографическом училище.

— Придешь, у нас уже будет балет, — сказала Наталья Альбертовна.

Оли долгина была заночить в шестьдесят первом. Но уже в пятьдесят восьмом

НА СНИМКАХ:

Артисты Фома Воронечный, Любовь Фомина и режиссер Анатолий Головин готовят капустник.

Гавайскую ружбу исполняют солисты балета Инна Чуйстова и Геннадий Бурдюков.

оперой «Евгений Онегин» начался музыкальный театр в Сыктывкаре. Просто шахтеры в Воркуте и Инте работали немножко лучше, чем предполагала старая балерина. Просто ребята из Ухтинской геофизической не зря ходили по тайге и нашли хорошие запасы нефти и газа на Таймы. Просто парни в леспромхозах стали давать больше «кубинов» деловой древесины, чем раньше. Республика Коми, обгоняя прогнившие, стала мощным экономическим районом. Экономические тавпы подготовили возможность создать театр раньше намеченного срока. Если раньше он был нужен, то теперь стал необходим.

И все же это был театр, каких много в других горо-

Эдуард Шмеркович в роли Мефистофеля.

Адажио из балета «Ягморта». Исполняют Ольга Коханчук и Игорь Кочетков.

дак. Театр как театр — это больше, ни меньше. А хотеть большего, Хотелось бы, но он был похож на другие. Как это сделать? В данном направлении искать? Отнюдь на эти вопросы пришла, пожалуй, после поста-новки верхово национального балета «Яг-Мор» («Лесной человек»), написанного симфоническим композитором Никомасом Перельпелли.

Главная женская роль в нем была отана Оле Кохачун, только что приехавшей из Финляндии. Ее Гауда, смелая и нежная девушка-северинка, была таким безусловным успехом, что все остальные молодые участники проявляли такую затаенную, такое неуртливое желание учиться, что вопрос, на кого давать ставку в будущем сезоне, решился сам собой. Ну как молдене! Талантливые молодые. С неуртливим желанием работать и учиться в процессе работы.

Послы театра были направлены в Массуу. Требования, которые они предъявляли, нов-новому казалась нескрываемыми. Считая кару, видите ли, нужные не просто умения, но и од-одновременно хорошие ребята. Успеху они не нужны — спрашивали «молосов». Но они дипломатически улыбались и узнав, что человек берет «до» такой-то октанву, молдене, как он отнюдь не сился и немосомельным поручением на протяжении сезона бы двух последних лет. И эта своеобразная методика подбора кадров дала свои результаты.

Из Ленинградских консерваторских присла Барнетов Славла Азовцев. Он хорошо пел и много лет работал артистом. Потом из Московского института Гнесиных присла Журава Швернович — бас и Борис Дружинин — тенор.

Сегодня в театре много молодых. Средний возраст группы — 22 года. И молодежь на сцене не просто привлекательна — по-настоящему любима. А досталась ребята эта любовь не легко и не просто. Нужно было не только преодолеть инерцию театра, консервативную условность, но и инерцию зрителя, научить его разбираться в том, что такое хорошо и что такое плохо.

Ребята, забыв о времени, работали. Они развлекали по республике на десятилетия шведских концертов. Репертуар: Ганкс, Чайковский, Мусоргский, народные песни. Они выступали против «шлягеров» вкус и мастерство, и не отступили. Вынуждены были отступить. Зрителя — шлякеры, строгители, ленинцы — приветствовали эту победу. Молодежь сама создала для себя зрителя. И она одновременно создавала себя. Сегодняшний хороший актер должен уметь все. Они стараются быть такими актерами, потому что этого требует театр. Рассказываю о себе, ребята любят вспомнить первые шаги Славы Азовцева. Что он умел сначала? Только петь. Он не умел ходить, стоять, говорить. Он не то что танцевать — молчать не умел. Молчать и слушать. Его научили играть в «Веселой вдове» и «Русские». Как вы помните, он был занят в «Яг-Мор» и «Зсерралде». И сегодня старанно Слава придумал новый трюк. Придумал сам.

В «Зсерралде» он вдруг вышел, держа в большом щетастом платке, заброшенном на спине, вышитый старый чингач с ребином. Эта деталь-деталь привидела проходившим сцене notable-молорит. Мендуч прочим, этой сцене вынужден он гондится больше, чем шумным исполнением в концертках.

Новым здесь не обещают легкой жизни. Ты солист, у тебя консерватизм! Очень хорошо. Но учти, у нас нет прыверной. И если тебе недовольно, например, изобрать северного героя в «Яг-Мор», ты, молдене, пойдешь вместе с нами. И будешь чингачом в толпе чингачи и будешь чингачом «в народе». Согласен?

Может быть, поэтому здесь измалка для всех, на чьей-то стола, кто-то выспирал. Иногда это мелочи, иногда очень важные.

Успех приходит не сразу. В прошлом сезоне одержав победу в негломном соревновании с другими театрами, на первом спектакле Креплевский театр был на три часа мороз. Заборотники на афишах ровным счетом ничего не говорили о морозе. Заборотники на шестое представление в Писово снова был успех. После Писова — Северантинград. Это двадцать три спектакля из двадцати трех спектаклей.

На шестое представление в Ленинград, о котором они мечтали, артисты их привезли. Они привезли «Зсерралде» и горю, считавший себя русской родиной, знаменитый чингачном, настроившимся, как оле Ленинград. Но Оле Кохачун у театрально-го поледца домидалась три саженьки и до невозможности коррентных старичка.

Мы видели Вечеслову в этой роли, — сказал один.

— Наверное, она была бы удивлена, — проинсиз другой.

Обрадована, — поспрала третий.

Это было признание. Директор театра Николай Дмитриевич Костин, один из самых горячих энтузиастов комсомольского движения, у тот день счастья. Ленинградцы, оценив не только балет, но и «Веселую вдову», предломили сорог гарантийных спектаклей. Сорон! А ведь в этот раз сюда приехали на свой старик и риск.

На этом можно было бы и окончить рассказ о молодых артистах в городе Сыктывдара. Но как не сказать о том, что сейчас театр тоже имеет свои постановки, оперету «Пелорисин зорю», посвященную героине северных речичной Либретто написал местный автор Борис Саванович. В репертуаре есть композитор Александр Ааврентин. И как не упомянуть о том, что из Ленинграда ребята ухитрились привезти молодого драматурга Евгения Сеисса Антония Головиной и сейчас в репертуаре у нас есть, написанная местными журналистами. Пьеса, конечно же, молодежная, о тех, кто строит дороги в тайге, о правде, о том, что на ошибку, о тех, кто в конце концов победил злодейку. И о том, что все-то общее с тем, как мы боремся в далеком и далеком городе — молодежный театр.

ПОЖАЛУЙСТА, ПОКАЖИТЕ МНЕ ПУТЬ К ВАШЕЙ ЛЮБВИ

В этот сезон представители мужского вида спорта размазат лишь одно первенство мира — по биатлону. И тем не менее для наших спортсменов сезон будет напряженным. Нужно готовиться к соревнованиям «Бобай», пока что они не могут похвастаться победами в крупных международных соревнованиях. Почему? Что мешает нашим лыжникам? Об этом идет речь в интервью, взятых нашими корреспондентами прямо на лыжне.

Виктор ТАЛЫАНОВ,
мастер спорта,
14-кратный чемпион СССР

УЧИТЬ — ЗНАЧИТ ПОКАЗЫВАТЬ

Покажу, никому из представителей лыжного вида спорта не удастся выслушать столько умелых,

словно нам, горнолыжникам. И возразить почти-то нечего. Почему же наши Успехи столь скромны? Здесь много причин. Я не буду говорить о том, что для молодого класса у нас слишком мало хороших трасс и лыжных баз. Лыжная доля тренировочного времени уходит на то, чтобы взобраться на гору. Но это все-таки не проблема. Мы в стране № 1. Продаст немного времени — у нас будет и подвыпимин и трассы. Однако с появлением их не исчезают наши беды.

Однажды, беседуя с известным австрийским горнолыжником, ныне тренером национальной сборной Йозефом Рудером, я поинтересовался, как он обучает своих подопечных технике. Рудер был удивлен. «В сборной мы не учим технике», — сказал он, — нам приходит абсолютно технически грамотный, уже овладевший всеми премудростями под руководством своих местных тренеров или даже родителей. В сборной команде их ужал лишь проходить трассу на высокой скорости и тактически правильно».

Теперь настала моя очередь удивляться. Ведь в нашей сборной приходится или учить, или заново преподавать спортсменам хотя бы элементарные навыки разговора. Ведь, как вы знаете, мы правильно, омазываются в техническом отношении очень слабо подготовленной. О скорости и тактической зрелости говорить трудно.

Чтобы научить ребят поворотам, тренер должен уметь сам их показывать. Как тактике тренировок можно перескочить по лыжам. Я видел в Австрии по трассе идет тренер, з ним целый шлейф ребят. Они точно копируют все движения наставника. Никаких разговоров. Ведь, как я уже все. Наши же тренеры обично в шубе и валенках стоят по горой и покрикивают: «Раньше Позиче! Не заваливайся! Работай руками!» Так ребят не научишь. Отговоришь, что ты, дескать, нет трасс, нет условий, но им же надо учиться. Для этого нужны не-разрядники и на отличные условия. Но прежде всего нужно обучить технику самих ребят.

Тренеры — это и есть проблема № 1. Пока у нас не будет отличных тренировок-партнеров (или, как вы сказали, индивидов), у нас не будет и хорошего пополнения для сборной страны.

А соревнования? Разве можно побе-

ЧТО СЧИТАЮ ПОРУЧЕНИЕМ?

Дорогая редакция!

Меня выбрали комсоргом, но комсомольца в меня какие-то недисциплинированные. Порученья им что-нибудь, а они отказываются выполнять, смелются на занятость, на другие поручения. Это верно, что многие из наших ребят и девчат участвуют в самодеятельности, активисты ДОСААФ, занимаются в спортивных секциях и т. д. Но ведь все это по-моему, не по комсомольской линии.

Какие же задания можно считать комсомольскими поручениями?

Виктор СУХОЙ,
комсорг

Комсомольское поручение — любое дело, которое поручает тебе комсомолец. Об этом сказано и в Уставе ВЛКСМ. Но комсомольским поручением следует считать также и поручения профсоюзной организации, и работу комсомольцев в ДОСААФ, и в общественном конструкторском бюро, и в спортивной секции и т. д.

Комсорг должен учитывать это: то есть, чтобы в его работе с комсомольцами не получалось неразберихи: кто-то несет шить-печь, науголок, а кто-то за весь год ни одного поручения не выполняет.

Успех любого дела зависит от того, насколько оно интересное, нужное и конкретное. И кому что можно поручить — тоже надо хорошо знать.

Вот почему в лаборатории одного московского НИИ комсомольцы решили давать поручения по интересам. Группор знает, чем увлекается каждый из его товарищей: один — хороший шахматист, другой — книголюб, третий вообще ездил всю страну, и у него в запасе всегда есть поучительная история, такой может провести беседу. В группе поварята омазываются севе-сам — так сказать, раз в месяц на собрания ребята рассказывают о том, с чем они хорошо знакомы. Сейчас их в шутку называют «зудрятами».

В некоторых районах комсомола поручение дается комсомольцу вместе со значком и билетом. Это записано на красивом бланке. Получая в торжественной обстановке сие первое поручение, товарищ чувствует большую ответственность и сразу вовлекается в общественную жизнь коллектива.

А иногда группа комсомольцев получает так называемое коллективное поручение: стать коллективным вожаком в школе, организовать и провести ребят, участвующих шефство над подростками в детской комнате милиции.

На репетиции.

мать, илие 5—7 соревнований в год. Зубрющие же лыжники принимают за сезон по 40—60 стартов. Естественно, в этом случае при таком неравномерном соотношении очень и очень трудно. Это неравнообразие. Первенство мира состоит в Чили в 1966 году. Сроки начала — август. В августе 1966 года чилийцы проведут нечто вроде протеста. Почему еще не победили мы на чемпионате мира? Это соревнования да и в первенстве мира. Шапки нынче расцветают невестою. Но если подходит только с этой позиции — победили или не победили, то мы не победили никогда. Ведь чтобы побеждать, надо соревноваться.

Игорь ВОРОЧНИХИН,
мастер спорта,
привер
Олимпийских игр

НЕ СИЛОЙ ЕДИНОЙ...

На IX зимних Олимпийских играх в Инсбруке я выступил лыжником всех возрастов. На дистанции в 30 километров мы выстали лучше третьем месте. Для многих это оказалось несомненным. В том числе и для меня. Уже потом, после возвращения из Австрии, я вновь подумал о том, что такое это, и сомневался. Но, к счастью, выяснилось, что это не случилось. Организм лыжника похож на аккумулятор. От определенного момента напряженные тренировки идут на пользу. Организм накапливает энергию. Но лишь до той поры, пока

не наступит момент, после которого организм больше терпеть, чем приобретает. Определить этот момент, зная своих пределы, если можно так выразиться, мой «интуитивный» разрыв. У остальных это случилось раньше.

Вот и я выступил лучше! Вот тогда да. Есть два момента, на которых отбросил в олимпийском Парыж — «невестине». Не считая фаворитов, я попал в слабую группу лыжников. Я то и даво натерпелся на нудных вперед. Особенно на спусках. Каждый сбив — 1—2 потерянные секунды.

И второе — техника скандинавских лыжников. Они необычайно пластичны. Никто так не умеет вписываться в рельеф лыжи. Если они не скользят, а летят на лыжах. Подъем — и сейчас же без малейшего сбоя, свивается характер хода. Спуск — и новая перемена. У нас — у одних — в большей степени — у других — это происходит не так четко. В физическом отношении мы не в чем не уступаем скандинавам. Но если сравнить силу, затраченную на одной и той же дистанции, мы и наши же так тратаем ее значительно больше. Вот что такое техника.

Скандинавы или мы? Собственно говоря, это сейчас основной вопрос. Многие лыжники-гонщики пока нет. У нас их никто почти не знает. Большинство сильнейших скандинавских гонщиков живет в маленьких городах или поселках. Они все время на свежем воздухе, на лыжне. Например, знаменитый швед Сигистен Эриберг живет в деревне, откуда и происходит на лыжах. Мы же готовим лыжников в больших городах, на улицах, в снегу-то не видно. Чтобы вырваться на тренировку, нужно не только ехать по городу на автобусе, но и проходить пешком. Истатьи, напомню, что лучший лыжник — это тот, кто живет из английского деревни. Случай помог заменить его. А сильнейшие Кузнецов и Давыдов — это лыжники из России.

Есть и еще одна сторона этого вопроса. Газеты, журналы в Москве. Кто-то

так уж и нас принято: появился человек, лыжный спортсмен — сразу же его в Москву, в Ленинград. А почему бы не послать в Москву и Ленинград тренеров туда, где можно воспитывать спортсменов. И тогда все естественно (условия)?

У скандинавских лыжников сильная тренировка — это комбинация гонок, стоящих классов чисте. В нашей стране перенести это значительно легче. Она не поддается индивидуальности сильного лыжника, позволяет варьировать нагрузку в зависимости от состояния спортсмена. И бывает, напротив, когда вместе собирается несколько osób, каждая тренировка по-своему на изурничестве, составляя, движущей силой которого непозволительно становится неразумная конкуренция.

Я не видел, чтобы швед на соревнованиях лыжи наоборот. Намидя из скандинавских стран, которые выдают прекрасные марки лыж. Причем производство инвентаря шагает в ногу с новейшими достижениями в технике и тактике лыжных гонок. У нас же только галльские лыжники более или менее отвечают современным требованиям. А назид! Ведь еще нет отечественных промышленных лыж, которые бы могли выдержать любую погоду с таким же успехом, с какими мы применяем марки зарубежных фирм. И, следовательно, лыжи и мази лучших образцов почти недоступны молодежи, стоящей на пороге спортивного мастерства.

Александр ИВАННИКОВ,
мастер спорта

СМЕЛОСТЬ И ТЕХНИКА

Нас было четверо в столице Тироля: Николай Каменский, Коба Цандак, Петр Коваленко и Я. Соотетственно мы заняли 38, 28, 21 и 6-е места. Конечно, нам было обидно. Ни од-

ной медали нам — прыгнув с трамплина — не досталось. Безусловно, финляндцы и немцы прыгают лучше, чем мы. Итальянцы — грозные соперники, они имеют богатые традиции, колоссальный опыт. Но это не все.

Чтобы хорошо прыгать, нужна смелость и отменная техника. Мы же прыгаем с трамплином не приходясь думать. А вот техника... Мы прыгаем с трамплина, но прыгать мы не умеем. Мы же прыгнув значительно меньше зубрившимися спортсменами с трамплина. Показатели нашего прыжка. Одно из лучших отечественных прыжков — в международных соревнованиях — традиционному турне четырех трамплинов, начало которого зубрившимися лыжниками не имеет за летачи по 200—250 тренировочных прыжков. Мы же только по 60—80. Когда зима подходит к концу, наш багаж вырастает до 300 прыжков, то есть мы только и концу сезона успеваем сделать то, что зарубежные прыгуны делают и от начала.

Секрет прост. У нас в стране нет ни одного трамплина с лифтом. Вот и получается, что большая часть тренировочного времени уходит на подъемы.

Но дело не только в лифтах и коллорах. У нас много детей, но мало умение управлять своим телом, принимать наиболее выгодную позу прыжка. Мы сразу же прыгаем, не приходя к этому. И прыгаем, как мощным трамплином. Даже сильнейший прыгун, не подготовленный в течение года, прыгает с трамплина и такому опытным, будет чувствовать себя неуверенно.

У нас много там и приходится начинать. У нас есть мощные трамплины в Москве, Горьком, Томе, Ессентуках. Но прыжки с трамплина, слухом или бы переходить ступеню прыжка. Мы прыгаем с трамплина, прыгаем с закрытыми глазами, на авось, долетит или не долетит, — а прыгать, в первую очередь, на координацию. Это прыжки, прыжки на приземлении. Только если ты уверен в себе, можно думать о технике прыжка. Ты различаешь прыжки, спрашивая себя: как у тебя корпус, как руки, как ноги, как лыжи. Словом, все, что в порядке!

Вот, пожалуй, главное.

Многие ребята у нас работают и учатся. Ден им загружен до предела. Но, оказывается, и им можно дать задание по своим, не нарушая при этом и без того их сжатый график. На некоторых предприятных хорошо зарекомендовала себя система обучения. За год парен им девятиша сделают около полвека дело: ведь на это всегда можно выкроить время. Не мало ли! Нет, не мало. В одном строительном управлении подсчитали, сколько комсомольцев учатся вечерами. Их оказалось около пятидесяти. Вот и представьте себе: если каждый из них сделает хотя бы одно дело в год, это даст комсомольской организации пятнадцать лет, «хороших и разных».

Вот и давайте же думать о том, как можно улучшить образование, если оно кому по душе, если оно по-настоящему увлечет его. Это надо понимать и вожаку молодежи и рядовому комсомольцу.

В ПОРЯДОК ЗАПОРТОМ

«Мне очень хочется подковать себя в спортивной одежде. Но я не знаю, какое государство, на каком городе, на какой аппаратуре, на какой литературе и обязательное на научное считать. А вас прошу помочь мне выбрать хорошую, недорогую кинокамеру.»

Аня ЧЕРЕПАЧЕНКО
г. Дебальцево,
Донецкой области.

Мы продаем это письменное заявление комсомольско-молодежного учебно-производственного магазина «Кинолюбкам». По доставке письма, один из наиболее

для начинающих любителей кино-съемки камер марки «Спорт-1», «Спорт-2» или «Спорт-3». Они сделаны по последнему слову техники, с учетом современных требований к качеству изображения, удобны в обращении, снабжены экспонометром, орфокальными насадками, а для камер «Спорт-3» и экспонометрические.

Для съемки нужна только кинокамера, но, чтобы отнестись в пленку и материал, а также, конечно, понадобятся специальные приспособления, различные химические реактивы, аппаратура для монтажа и, наконец, принтер.

Широкое признание получила модель (Москва, Авангард моторная улица, 50).

СЛЕД ВОСТУПЛЕНИЯ «СЕНА»

Управление школ-интернатов и детских домов Министерства просвещения РСФСР, ознакомившись со статьей Э. Даниловой «Вся республ., опубликованной в журнале «Смена» № 20 за 1964 год, считает, что проблемы, поставленные в этой статье, о воспитании «трудных детей» заслуживают большого внимания.

На наш взгляд, автор совершенно прав, указывая на необходимость повышения ответственности родителей за воспитание своих детей. В этой связи считаем правильной критику недостатков в работе воспитательных комитетов и школ-интернатов, недостатков в воспитании детей, находящихся в надлежавшей среде до дальнейшей судьбы детей и подростков, выгнанных из воспитательных колоний. Не случайно поздравил с окончанием Кунгурского среди несовершеннейших правонарушителей — неродное явление. И избавление от преступных влияний подростков, в том числе, безусловно, в образе рассматриваться являлся случай рецидива, анализироваться приходится к виновности — признать ее и ответственности. В работе не только в период пребывания их в специальной школе, но и после выпуска.

В настоящее время воспитательные колонии для несовершеннолетних преобразуются в специальные школы и специальные профессионально-технические училища.

В специальной школе в основном станут учиться дети 11—14 лет, те, кто остается III—VIII классом. Классы эти будут небольшими — не более 20 человек. Располагаться специальная школа будет в местностях, где развито строительство учебных, жилых корпусов и учебно-производственных мастерских.

В школах такого типа будут действовать органы детского самоуправления. Директор, воспитатели и учителя специальной школы подбираются из числа лучших педагогов, хорошо знакомых с особенностями детей, их возрастными особенностями, умеющих разумно сочетать требовательность с уважением к личности ребенка. В качестве примера описать положительные явления на основе развития воспитанников.

Считаем, что специальная школа в какой-то мере облегчит решение проблемы «трудных детей», очень важной проблемы, стоящей сейчас перед обществом.

Н. ВОВАЛЕН,
начальник Управления школ-интернатов и детских домов,
Министерства просвещения РСФСР

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ УМСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКИ

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ НАВЫКОВ, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ПРЕДЫДУЩИХ ЗАНЯТИЙ, ПРЕДЛАГАЕМ ВАМ ВЫПОЛНИТЬ СЛЕДУЮЩЕЕ КОНТРОЛЬНОЕ УПРАЖНЕНИЕ.

Известно:

1. Стоит пять домов.
2. Шофер живет в красном доме.
3. Музыкант играет в лото.
4. Молоко пьют в зеленом доме.
5. Инженер пьет чай.
6. Зеленый дом принимает справа и слева доми.
7. Играющий в шахматы курит сигареты «Лайна».
8. Сигареты «Прима» курит в желтом доме.
9. Кофе пьют в среднем доме.
10. Врач живет в первом доме.

11. Человек, играющий в домино, живет рядом с человеком, курящим «Астру».
12. Человек, играющий в теннис, живет рядом с человеком, курящим «Приму».
13. Человек, курящий «Шипку», пьет лимонад.
14. Писатель курит «Памир».
15. Врач живет рядом с желтым домом.

КТО ПЬЕТ КВАС! ГДЕ ИГРАЮТ В ПРЕФЕРАНСИ!

Наиболее интересные решения этой задачи, присланные читателями в редакцию до 1 апреля 1965 года, будут опубликованы в № 10.

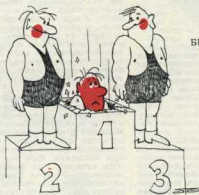
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ВТОРОГО ЗАНЯТИЯ

1. Фамилия штурмана не Петров, так как пассажир Петров живет в Ленинграде. Фамилия ближайшего соседа штурмана, то есть пассажира, который живет не в Москве и не в Ленинграде, а ближе к Ленинграду, а дальше к Москве, не Данилов, так как у Данилова всего двое детей, и не Петров, так как Петров живет в Ленинграде. Следовательно, его фамилия Кузнецов. В Москве, таким образом, живет Данилов, а фамилия штурмана тоже Данилов. Фамилия второго пилота не Данилов и не Кузнецов, то есть Петров. Фамилия первого пилота — Кузнецов.
2. Убийца — Чарли. Он соврал, сказав, что не был накануне у Сама. Дик соврал, сказав, что у него нет оружия. Бен соврал, сказав, что он ничего не должен.
3. 39 минут.
4. Так как описанные события могли происходить только на Северном полюсе, надежда была, естественно, белой.
5. 25 долларов было уплачено хозяину, 2 доллара прикармана слуга и 3 доллара возвращены путешественникам.

6. Только комнаты № 20 с коридором Е и комнаты № 15 имеют нечетное количество дверей и, таким образом, могут быть исходным и конечным пунктом маршрута.
7. Сумма четырех чисел, описывающих число N на табель-календаре, всегда равняется $(N-7) + (N-1) + (N+1) + (N+7) = 4N$.
8.
$$\begin{array}{r} 1026704 \times 12 \\ 1026704 \times 10809 \\ \hline 97 \\ 26 \\ 100 \\ 108 \end{array} \quad \begin{array}{r} 9 \times 685 \\ 885 \\ 5480 \\ \hline 4110 \\ 469225 \end{array}$$

—АНДРЮША! ТЫ НЕ ВИДЕЛ МОЮ БРИТВУ?

БЕЗ СЛОВ

ТУРНИР

Рисунки
О. ТЕСЛЕРА

А-А-А-А...

...ПЧКИ!

ГОВОРИТЕ, МОЛОДЕЖИ НЕЧЕМ ЗАНЯТЬСЯ?
ЕРУНДА! ЗАНЯТИЕ ВСЕГДА МОЖНО НАЙТИ.

ПИСЬМЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бульварный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — В 9-61-63; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-63; международная книга — Д 3-31-50; филология и спорта — Д 3-30-97; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-69; информации — Д 3-31-89; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редколлегия: К. К. Андреев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замощин, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), Р. Ф. Казанова, Е. П. Краевский (ответственный секретарь), А. С. Кукулин, Е. И. Рубцович, Г. В. Семенов, С. С. Самронов, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление О. Безухова.

Технический редактор Н. Вудина.

А 02216. Подписано к печати 26/1 1965 г.
Тираж 900 000 экз. Изд. № 191.
Заказ № 3723. Формат бумаги 70 x 108/16.
2 бум. л.—548 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Сти - ха - ет шум большого города, в домах у-
 хе пош-и-ши сь ни... Как слышно, что с юсой ми пою-ам, что бредим
 в тёмных улицах оз-ни! А не-ю-ю в том-за-ет ширьдами... Ты неч и
 ле-том так прозвучи - та тыма, и ти-том ни чаю - ни водни ни всок-а-ду
 во-чи садко вост-ад-и. / Лишь только ночь, как сказка, танства поля, лишь только
 ночь-ю одан-а-мт горо-да, / Лишь только ночь-ю а юном зри-ждит тиши-ни, / Лишь только
 юная тишина слыш-на... / З. Шаев / Шум-шумит ти-ни-чу-л-

ВТОРОГО НЕТ ТАКОГО ГОРОДА

Слова Сергея БЕНКЕ
Музыка Евгения ЖАРКОВСКОГО

Стihat шум большого города.
В домах уже погашены огни...
Как слышно, что с тобой мы молоды,
Что бродим в темных улицах одни.

А небо полыхает звездами...
Зимой и летом так прозрачна тыма,
И тихими часами поздним
Прохладу ночи жадно люблю дыма.

Пр и в е т:
Лишь только ночь, как сказка, танства поля,
Лишь только ночью отдыхают города,
Лишь только ночью к нам приходит тишина,
Лишь только ночью тишина слышна...

Здесь сердцу нашему все дорого:
Дома уснувшие, сады, мосты.
Второго нет такого города,
И нет нигде таких друзей, как ты.

Пошла на убыль ночь короткая,
Рассвет расплывет ночи пелену,
Погасит в небе звезды кроткие,
И скоро шум похитит тишину!.

Пр и в е т.

К Р О С С В О Р Д

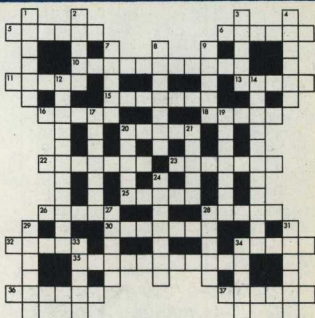
По горизонтали:

- Русский художник.
- Стихотворение М. Ю. Лермонтова.
- Русский химик, исследователь казахской нефти.
- Танец.
- Собрание географических карт.
- Озеро на Валдайской возвышенности.
- Мария Тенишора.
- Юлькеобразный коралловый остров.
- Экваториальное созвездие.
- Нелетающая птица.
- Русский механик-изобретатель.
- Черноморский курорт.
- Глагольная категория в грамматике.
- Горная антилопа.
- Сорт винограда.
- Помещение для автомобилей.
- Промышленный город Индонезии на острове Суматра.
- Система приемов возделывания сельскохозяйственных культур.
- Советский космический корабль.
- Город в Сибири.

По вертикали:

- Самая аркал звезда.
- Приток Печеры.
- Листья и стебли картофеля.
- Тропическое плодородное растение.
- Областной центр в Белоруссии.
- Автор трагедии «Медяки».
- Столица государства в Африке.
- Специальная коробка для сбора образцов растений.
- Передача изображений на расстоянии.
- Роман А. А. Фадеева.
- Народный поэт Грузинской ССР.
- Южное дерево.
- Система знаний.
- Основоположник русской революционной литературы.
- Вращающаяся часть электрической машины.
- Персонаж пьесы М. Горького «На дне».
- Герой романа В. Гюго «Отверженные».
- Республиканское спортивное общество.
- Один из первых комсомольских поэтов.
- Гора вблизи Пятигорска.

Составил Н. ГОНЯК.
г. Харцызск,
Донецкой области.

О Т В Е Т Ы Н А К Р О С С В О Р Д, Н А П Е Ч А Т А Н Н Ы Е В № 2

По горизонтали:

- Щедрунин.
- Турнет.
- Утесов.
- Кума.
- Роговая.
- Торт.
- Стартер.
- Физуры.
- Араманжарова.
- Антракт.
- Кларнет.
- Яшма.
- Каравай.
- Спора.
- Неудим.
- Егоров.
- «Вирюсиня».

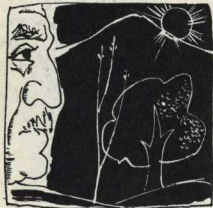
По вертикали:

- Плестов.
- «Учитель».
- Щорс.
- Коса.
- «Тамара».
- Бюккети.
- «Намаринская».
- Матловна.
- Термометр.
- Метрина.
- Насаль.
- Греми.
- Крулов.
- Палитра.
- Сангина.
- Ромб.
- Арфа.

ШМУЦТИЛУ «ОСЕТИЯ».

ФРОНТИСПИС ПОВЕСТИ П. ЗЕЙТУНЦЯ «ПОСЛЕ НАС».

Роворит, художником нужно родиться. Должно быть, это и в самом деле так — никто не учил Заур-Бена Абова рисовать. Но он оставался один в сале, и каменные стены, покрытые белой известкой, таинственной силой надосазианности, незавершенности влекли к себе мальчика. Заур-Бен досказывал и завершал; он брал угль и рисовал разгоряченных коней и всадников с оружием в руках. Возникали батални, и сажла была уже не сажла, а поле сражения. Заур-Бен и его воины сажались в плен только бабушке. Она приходила, сердилась на внука, брала веддро с известкой, блины — и снова стены становились белыми.

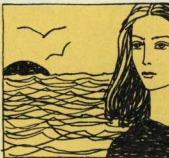
Так в ауле Зараман, Алагирского района, родился художник. Заур-Бен Абов не много и отдално учился, прежде чем поступил в Московский полиграфический институт

ИЗ ОФОРМЛЕНИЯ ОСЕТИНСКОГО ЭПОСА

ЗАСТАВКИ К КНИГЕ Р. ГАМЗАТОВА «И ЗВЕЗДА С ЗВЕДОМ ГОВОРИТ».

ИЛЛЮСТРАЦИИ К КНИГЕ Л. СЕРСТАВОНА «ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ».

на кафедру профессора А. Д. Гончарова. Здесь он окончательно убедился в своем призвании: женился на графине. Сейчас им оформлено уже около 30 книг. Любимая книга Заур-Бена — осетинский эпос «Сказание о нартских богатырях». Ему посчастливилось оформлять ее. Снова Заур-Бен в родном ауле. И там же то, что когда-то было привычным в его руках, или рядом с ним, теперь вызывало у художника удивление и восхищение. Любой предмет обихода — нож, топор, огазаваты, имеет неповторимую форму, притертость и сдержанность отличали их той завершенной лаконичной красотой, которая была и остается вершиной искусства.

Лучше народа не придумаешь. Народное искусство всегда современно. Заур-Бен говорит, что он мучился над тем, чтобы национальное не увело его в прошлое, но именно благодаря ис-

пользованию традиций осетинского рисунка Абов нашел самое современное решение темы «Сказание о нартских богатырях».

Жил в Осетии самолюбивый народный художник Махарбен Туганов. Он классически оформил осетинский эпос Туганов — один из самых любимых художников Заур-Бена. «Когда кто-нибудь делал и разложил в тулук», — рассказывает Абов, — я возвращаюсь к нему, и приходит мысль. Хотя ду-кали мы с ним о разных вещах и о своем. Вот такой силой он обладает».

Национальный орнамент, заставка — каждац целое сказание, аллегорический рисунок. Они читаются как знаки. Зоркая, чуткая, создает Стрельца, и в памяти мгновенно возникает древяня лежача о небесном охотнике. Так и на заставках Абова. Сломяным сухой холост, истощенная собака с отпавшими сосисками, голод, неуверная обрусился на страну — вот о чем говорит печальное народное сказание. Рисунок Абова строг, суров, закончен.

Кроме книжной графики, Заур-Бен любит заниматься графией станковой, живописью темперы, пастелью, смешанной техникой. У него есть тонкое ощущение цвета, но даже это ощущение цвета тонко национально. «Ауа» — иллюстрация и стихотворения Расула Гамзатова. Цвет ночи аула — редко кто из художников может дать его так подробно и богато, как это делает Абов.

Ему хорошо удаются портреты местных жителей, их характерные позы и движения. Заур-Бен передает лицо, без напряжения. Это та самая легкость, которая отличает мастера, зрелость, мастерство приходит и Заур-Бену Абову тогда, когда он с этюдником и альбомом для путевых зарисовок идет по горным тропам родной Северной Осетии, спускается в долины. Его видели в соседней Кабардино-Балкарии, в чечено-Ингуштии, в Дагестане, горные старцы благосклонно разрешили ему рисовать их ирвинные профили, худые мальчишки с длинными сидели на корточках перед молодым художником в платом заплатами через его плечо, когда он рисовал девушек.

Притом Заур-Бен возвращается в Москву. Здесь — семья, дом, издательство, конкретная работа над книгами. И еще здесь ждут его сорос мальчишки и девчонки из соседних домов. Заур-Бен организует выставки своего рисунка. ЖЭИ выделила помещение. Пона ребята рисуют, Абов говорит, что он смотрит на них и отдувается.

А может быть, он просто верит, что в Москве родится художник и подрастает где-то близко, возможно, даже на Кутузовском проспекте, рядом с домом, где живет Заур-Бен.

И. ДМИТРИЕВА

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820

